

Светлана Швецова

**РОМЕО
для
БАЛЕРИНЫ**

Светлана Леонидовна Швецова

Ромео для балерины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26709151

SelfPub; 2017

Аннотация

Это книга, над которой плачут, а её героями восхищаются. Читая, начинаешь понимать: Жизнь – удивительно мудрая и справедливая штука, в ней есть и драма, и юмор, и любовь, уходящая в вечность... И у каждого есть Своя Судьба и Своё Предназначение, и только от тебя зависит выбор!

Главные герои – дети отважных мотогонщиков Дэна Байера и Сашки Наумова, персонажей романа "Найти Джульетту для гонщика". Всё самое лучшее взяли они от своих родителей. Итак, история продолжается..."

Светлана Швецова

Ромео

для балерины

роман

Эта книга посвящается моей дочери Анастасии Михайловой.

Благодарю за вдохновение талантливую балерину Лазареву Алесю Анатольевну, отважных российских мотофристайлеров, замечательных рок-музыкантов, а также всех сотрудников и курсантов МЧС России.

Выражаю благодарность за помощь в работе над книгой сотруднику Уральского института ГПС МЧС России Крылову Артёму Александровичу.

Заверяю, что все персонажи моего романа являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Автор.

2017 г.

Часть первая.

Меркулов.

* * *

Майский денёк разгулялся, солнце вовсю хозяйничало на небе, разгоняя остатки облаков. Становилось жарко. Алексей Меркулов снял пиджак и остался в голубой рубашке с галстуком. Автобуса всё не было, и остановка, пустая на момент его появления, начала заполняться людьми.

Подошёл старик с пакетом из супермаркета, потом тётка с 7-летним ребёнком, две молоденьких студентки, мужик средних лет с портфелем и три подростка лет по двенадцать. Последние сталкивали камушки в огромную мутную лужу перед остановочным комплексом. Семилетний ребёнок тоже было направился к вожаденной луже, но был остановлен окриком бабушки:

– Куда?! Стой рядом!

Лёха мысленно пожалел ребёнка и поймал себя на мысли, что сам бы не прочь измерить её глубину... Было скучно. "Пойти, что ли, почитать объявления на рекламном щите?" И Меркулов повернулся.

Она стояла у него за спиной. Вот почему он не заметил её появления. Этакое яркое солнечное пятнышко на фоне чёрно-серо-коричневых прохожих. Жёлтое до колен платье, короткий бежевый плащ распахнут, ярко-рыжие выющиеся волосы струятся до лопаток, серо-голубые ясные глаза. Даже на бежевых лодочках с высоким каблуком она казалась невысокой и очень худенькой.

Алексей смотрел на неё сверху вниз. Она же растворилась в музыке из наушников, взгляд блуждал где-то далеко, не фокусируясь ни на молодом парне в голубой рубашке, ни на ком-либо ещё. Поэтому он безнаказанно разглядывал её минуты три.

Лёха понимал, что некрасиво так пристально пялиться на незнакомого человека, но ничего не мог с собой поделать. Взгляд упрямо отказывался перемещаться на другие объекты. Он отошёл чуть в сторону, отвернул голову, но краешком глаза не выпускал из вида симпатичное рыжеволосое чудо. "Вот так и начинается косоглазие", – ухмыльнулся Меркулов.

Если бы он продолжал смотреть только на неё, то однозначно проглядел бы мчащийся мимо остановки автомобиль. То ли шальной водитель не заметил лужу, то ли не счёл нужным притормозить: колёса приближались к грязевому озерку неумолимо, как цунами.

Алексей мысленно уже видел, как мутная стена грязи окутывает людей, как солнечно-жёлтое платье и светлый плащ покрываются уродливыми подтёками. У него оставались две секунды. Одна секунда – сделать прыжок в её сторону, и одна секунда – рвануть её к себе, заслоняя собой, как щитом.

Грязевой ливень не пощадил никого. Все, кто ждали на остановке автобус, были квалифицированно облиты с ног до головы. Вопли негодования и проклятья посыпались в адрес водителя Форда. Лёха стоял, чувствуя, как по спине стекает

вода на брюки, а с брюк – в ботинки. Девушка, испуганная, боялась шевельнуться у него на груди.

– Не сильно зашиб тебя? – наклоняясь к её уху, спросил Лёха.

– Ну, так... – отстранилась она, потирая покрасневшую щёку.

Потом выглянула из-за его спины, увидела мокрых и грязных, сердитых людей, подняла удивлённые глаза.

– Ты закрыл меня собой!.. – тихо проговорила Лея.

Потом обошла его кругом, оценивая масштаб катастрофы: голубая рубашка была насквозь мокрая, брюки перепачканы грязью.

– Но почему?! Спасибо тебе конечно, но почему меня, а не, скажем, ту женщину с ребёнком?

Меркулов улыбнулся и пожал плечами:

– Ты маленькая, тебя легко спрятать.

Потом посмотрел на бабулю, оттирающую внука, и добавил тихо:

– Её я бы не закрыл. Скорее уж, она меня...

И они засмеялись.

– Ты ведь куда-то ехал такой нарядный, – девушка вдруг сделалась серьёзной, вглядываясь в лицо Алексея.

– Вечеринка накрылась медным тазом! – кивнул головой Меркулов.

Однокурсник попросил Лёху составить компанию на День рождения девушки, с которой недавно познакомился. Так

сказать, для моральной поддержки. Об этом Алексей не стал рассказывать очаровательной незнакомке. На День рождения ему уже совсем не хотелось.

– Вечеринка – не экзамен, не особо важное мероприятие! Не бери в голову.

– Знаешь что, я живу в паре остановок отсюда. Могу привести в порядок одежду моего спасителя... Или спасателя..? Как мне тебя называть?!

– Ну, спаситель – звучит как-то пафосно. Спаситель у нас один! Зови спасателем, тем более, что так и называется моя профессия: я – курсант Академии МЧС.

Автобус они ждать не стали – пошли пешком. По пути обсуждали, как бедные люди будут в таком виде добираться домой. Когда проходили мимо лавочек, она попросила:

– Можно я немного посижу? Ноги сильно устали!

– А ты – неженка, – мягко поддел Меркулов, подсаживаясь рядом. – Две остановки всего до дома, а столько времени автобус ждала...

– У, ещё какая! – улыбнулась девушка.

И вспомнила, как они сегодня репетировали на сцене 6 часов перед завтрашним спектаклем. К концу она почти не чувствовала ног в пуантах. Но генеральный прогон – есть генеральный прогон. Всё должно быть идеально. Лея поднялась, сделала пару шагов: ступить было больно. На лице сияла прежняя милая улыбка, но Меркулов заметил, как осторожничают она при ходьбе.

– Нет, ну я так не могу! Держи мой пиджак! – сказал он и подхватил её на руки.

– Какая ты невесомая! Ты, часом, не болеешь? Нормальный человек не может столько весить!

"То нормальный человек, а то – балерина..." – подумала Лея, а вслух кокетливо спросила:

– А что, я так болезненно выгляжу?!

Алексей встретился с ней глазами:

– Да нет, выглядишь, дай Бог каждой! Неужели ты на заметила на остановке, как на тебя все пялились?

– И ты?!

– Ну, я-то в первую очередь, – осмелел Алексей.

Наконец, они пришли. Лифт бесшумно поднял их на 8 этаж.

– Проходи.

– А родные не будут против?

– Я живу одна, родные бывают, к сожалению, не часто, – с грустью добавила она. – Ты сходи в душ, а то вся спина, наверное, чёрная. Полотенце на полочке возьмёшь. Брюки и рубашку я у тебя потом заберу. И извини, мужской одежды у меня нет.

Закрыв кран, Меркулов пошарил взглядом в поисках полотенца. Салатовое с бабочками...

– Слушай, а другого полотенца нет? Тёмно-синего или коричневого?

– Нет, есть ещё сиреневое и жёлтое с тюльпанами.

Лёха вздохнул, оборачивая полотенце вокруг талии: "Хорошо, что не розовое со слониками!" И вышел из ванной. Она уже переоделась в домашнее платье и выглядела уютной. Забрала его грязные вещи, великодушно не стала шутить по поводу бабочек, скользнула взглядом по Меркулову:

– Не парься, спасатель. Такую великолепную фигуру ничто не может испортить. Что будешь пить: чай, кофе?

– Чай, пожалуй, чёрный, с сахаром. А лимона нет случайно?

– Где-то был в холодильнике.

И ушла ставить чайник. Из кухни доносились мерное жужжание стиральной машины, потрескивание тостера. Зазвистел на плите чайник. Меркулов прошёлся по комнате, остановился у рамок на стене. "Лее Тураве от Светланы Захаровой. Мечты должны сбываться!"

В другой рамке были билеты театра "Ла Скала" на балет "Жизель". "Значит, её зовут Лея: редкое имя. И, похоже, она фанатеет от балета". В дальнем углу, за креслом, Алексей наткнулся на гитару в чехле.

– Ты на гитаре играешь? – крикнул он хозяйке.

– Нет, она для гостей. Доставай, если хочешь.

Меркулов взял гитару в руки.

– Ого, приличный инструмент, и звук шикарный.

Алексей сам писал песни и исполнял их на английском и на русском. С первого курса был востребован на всех концертах в Академии. Но сейчас просто проиграл пару мело-

дий и отложил гитару. Лея появилась с большим подносом с чашками, бутербродами, вареньем, фруктами. Алексей подскочил и, забрав поднос, поставил на стол.

– Красивая музыка. После чая сыграешь ещё?

– Хорошо.

Меркулов хрустел горячими бутербродами, прихлёбывал чай с лимоном и смотрел на Лею: она только пила чай и налегала на дольки лимона.

– Складывается впечатление, что кроме лимона вся пища отравлена. Ты ни к чему не притронулась... Мне уже страшно.

Лея рассмеялась, отломил у Лёхи кусочек тоста и отправила в рот:

– Так спокойнее?

– Вполне. А... можно спросить, имя такое редкое тебе кто дал?

– Отец. И совсем оно не редкое. В Грузии.

– У тебя отец грузин? – поинтересовался Меркулов.

– Нет, как раз папа русский. Мама из Тбилиси. Турава – это старинная грузинская фамилия. Они договорились: родится мальчик, будет Наумов, родится девочка – Турава. Родилась я.

Запищала стиральная машина, призывая освободить её, и девушка вышла. Вдруг послышался звук открывающихся дверей лифта, щёлкнул замок входной двери, и чей-то приятный мужской голос спросил:

– Лисёнок, ты дома?

Саша Байер, снимая кроссовки, заметил бежевые лодочки Леи: "Ты дома!" И , проходя в комнату, снова крикнул в глубину квартиры:

– Доставка продуктов на дом. Нет, ну меня сегодня кто-нибудь обнимать будет?!

Лея уже бежала к порогу. Не давая поставить тяжёлые пакеты, она повисла на статном красивом парне и поцеловала его в щёку:

– Сашенька!!! Ты почему не позвонил?

– Я заехал, но мне сказали, что репетиция уже закончилась, – сказал Байер, ставя пакеты на пол, обнимая Лею за талию и отрывая её от земли.

Меркулову стало вдруг очень неловко, захотелось одеться и уйти. Он был тут явно лишним. Лёха встал. "Где она развесила мои вещи? В ванной? Скорее всего..."

И тут Байер увидел Алексея. Взгляды парней встретились. Сашкины глаза скользнули вниз по фигуре непрошенного гостя, не пропуская ни единой мелочи: ни мокрых волос, ни краешка плавок, выбившихся из-под полотенца, ни прокаченной мускулатуры. Про себя Байер отметил, что парень не стушевался, держится уверенно, с достоинством, но без вызова. А ведь ситуация очень щекотливая...

Не меняя тяжёлого взгляда в упор, Саша обратился к Лее:

– Пойдём на кухню, поможешь мне пакеты разобрать.

Когда дверь на кухню плотно закрылась, Байер обратился

к девушке:

– Лея, это кто?!

Байер, взбешённый сначала, сейчас пытался разобраться в происходящем. Набить морду он ему всегда успеет. Будет сложно, судя по хорошей физической форме парня, но он, Байер, это сделает, если его сестрёнку попытаются обидеть.

– Я повторяю, кто этот парень, Лея? Как его зовут?

– Не знаю, он не успел представиться...

Байер поперхнулся:

– Лея! У тебя по квартире расхаживает полуголый мужик, а ты даже с ним не знакома?!

На пороге кухни возник Меркулов.

– Не кричи на Лею. Она правда, не знает, как меня зовут. Не нужно заставлять её оправдываться, тем более, что она ни в чём не виновата: просто напоила меня чаем и постирала мои вещи.

Прислушиваться не было необходимости – говорили громко. Он не мог допустить, чтобы у девушки были проблемы из-за него.

– Алексей Меркулов, курсант Академии МЧС, 4 курс. Ещё есть вопросы?

Потом Лёха обратился к самой Тураве:

– Спасибо, я наверное, пойду. Мои брюки и рубашка в ванной?

Сашка понял, что его подозрительность была на пустом месте, и Лее не только ничто не угрожает, а наоборот, па-

рень встал на её защиту. Словом, повёл себя как мужик. И ещё МЧС... Это то, куда Байер собирался после факультета психологии. Цель, что маячила впереди, – быть психологом МЧС.

Лея встала за спиной сидящего Сашки, положила ему руки на плечи:

– Лёш! Пожалуйста, не обижайся! Саша очень боится за меня, готов порвать всех потенциальных обидчиков, как Тузик грелку. Мы с ним выросли вместе, он мне с детства вместо брата. Ты не представляешь, какой он удивительный!

И она, наклонясь, поцеловала его в шею.

Байер после её слов проглотил комок в горле и сипло сказал:

– Может, расскажите, что с вами приключилось?

Неловкость продолжалась ещё минут пять, а потом лопнула, как мыльный пузырь. Через полчаса они уже смеялись, пили кофе, слушали, как Алексей играет на гитаре. Лея сушила утюгом брюки и рубашку Меркулова.

* * *

У Алексея к концу вечера было странное впечатление: как будто он давно знает и Лею, и этого общительного проницательного Александра Байера.

Меркулов переоделся, они отпустили Лею восстанавливать силы в ванной, а сами завели сугубо мужской разговор. Точнее, говорил Меркулов, а Байер с жадностью расспраши-

вал о буднях курсантов, об их участии в тушении пожаров, ликвидации последствий наводнений, с чем им приходится сталкиваться.

Алексей рассказывал неохотно. Он не понимал, почему психолога МГУ так это всё интересует?! Ему романтики бы поискать в других профессиях. У них, в МЧС, обычная тяжёлая работа, особенно летом, когда леса и торфяники горят.

Байер словно услышал его мысли:

– Ты, наверное, думаешь, что за праздное любопытство у этого зануды?

– Ничего я не думаю...

– Думаешь-думаешь, просто деликатный очень. Так вот, Лёш, я прикреплён к кафедре экстремальной психологии, и со следующего года, с 5 курса, мне предстоит выезжать с бригадами МЧС и штатными психологами на места чрезвычайных ситуаций. Так что, считай, мы с тобой в одной лодке, друг Меркулов.

Алексее потребовалось время, чтобы это переварить.

– И ты заранее всё спланировал?

– Да! В 7 классе. Заболел любимец нашей семьи, пёс, Гардом звали. Старенький уже был. Сильно мучился, и мы с отцом приняли решение избавить пса от боли: усыпили. У бабушки и мамы был сильный стресс, и я не знал, как им помочь. Тогда и решил пойти на психолога.

Алексей посмотрел на часы.

– Мне уже пора.

– Да и мне тоже, к тому же, у Леи завтра трудный день.

Лея уже входила в комнату и слышала последнюю фразу.

– Сбегаете?

Байер слегка приобнял сестрёнку:

– Ну что ты! Оставляем тебя отдыхать. Разве от таких, как ты, сбегают?!

И поцеловал её в лоб. Свежевымытые волосы вились колечками, на лице, свободном от макияжа, проступали веснушки. Сама естественность и свежесть. Ей было наплевать, как она выглядит.

– Слушай, Лея, – вспомнил вдруг Саша. – А ведь я завтра не смогу прийти на балет: в шесть заседание кафедры, меня пригласили, и неизвестно, насколько затянется. Так жалко!

– Конечно, иди на заседание! Ты ведь президент Совета Студентов. Вдруг что-нибудь важное решать будут?! А пригласительный кому-нибудь отдашь.

– Подожди.., – и Байер внимательно посмотрел на Меркулова. – Ты в театре когда в последний раз был?

– На первом курсе, когда в Москву перебрался.

– Держи!

Александр достал из барсетки пригласительный билет и отдал Лёхе. Тот пробежался глазами по листку и уточнил:

– То есть, я веду Лею завтра на балет "Щелкунчик"?

Лея переглянулась с Сашей, опустила глаза и загадочно улыбнулась:

– Не совсем... Я там вроде как участвую...

– Ты?! – не совсем понял Меркулов.

Байер тут же подхватил:

– Так что, увидитесь, но после спектакля!

" Вроде как участвую!.. Да на ней там полспектакля держится!" – подумал Сашка, чуть не прыснул со смеха, но увидел свирепое лицо Леи и сдержался.

– Короче, форма одежды – парадная, адрес театра – в пригласительном. Пошли, подвезу тебя, я на машине.

– А у неё самой-то билет есть? – Лёха явно недопонимал ситуацию.

– Да есть у неё билет, есть! Пошли!

Меркулов взглянул на прощание на Лею.

– Спасибо за вечер! И за одежду. Не обещаю, но постараюсь прийти.

Байер обнял девушку, поцеловал в волосы.

– Завтра позвоню. Удачи! Береги себя.

Парни вышли. Запищала, радостно приветствуя хозяина, Тойота.

– Тебе в общагу на Бориса Галушкина? – спросил Байер.

– Ты и это знаешь? – удивился Меркулов. – Да, туда. А ваша общага где?

– В ДАСе, на Шверника-19.

– Так это в другой стороне! Ты меня до метро подбрось: нечего тебе через весь город тащиться.

Саша мысленно поблагодарил Меркулова: он и правда,

устал сегодня. Припарковавшись у метро, Сашка немного помолчал.

– Телефон мой запиши, мало ли...

Меркулов записал.

– И вот ещё что... Как я понял, тебе очень понравилась Лея. На всякий случай, ты должен знать: 18 ей исполнится осенью, в октябре.

Алексей посмотрел на Байера и протянул ладонь.

– Я помню: "как Тузик грелку"... Пока!

Сашка засмеялся: курсант ему явно нравился.

– Удачи! Бывай!

* * *

Пары закончились рано: у четвертого курса начался период самоподготовки к экзаменам. Главное – не пропустить консультацию, а готовиться можно и по ночам. Меркулов рассчитал время, чтобы добраться до театра и купить цветы для Леи. Вчера они так и не договорились, где встретятся, но Алексей почему-то был спокоен: он найдёт её! Правда, когда он зашёл в зал, самоуверенности поубавилось: театр был набит битком. Он отчего-то решил, что "Щелкунчик" – это детский балет, и вначале сомневался: идти – не идти. Сейчас он видел: дети в зале есть, но их немного. Большинство взрослые. Это его приятно поразило. Место его было в середине партера, сцена была как на ладони. Прозвенел третий звонок, и спектакль начался.

Он глазами высматривал Лею в кордебалете, потом сюжет и музыка Чайковского захватили его, и он погрузился в волшебное таинство спектакля. Вдруг свет на сцене почти погас, у ёлки, в луче софита, появилась девушка в длинной воздушной юбке-пачке. Она сделала два-три движения, и сердце Меркулова оборвалось. Это была Лея. Нежность, волнение, трепет, смятение накатывали лавиной так, что не поверить было невозможно. Она жила, плакала, страдала, любила в повороте головы, в воздушном прыжке, в трогательном глиссандо семенящих шагов, в немыслимом изгибе рук и худенького тела. Она переворачивала душу, вытаскивая на поверхность всё самое лучшее, самое прекрасное, невостремованное ранее, хранившееся зачем-то на дне.

И во время антракта Меркулов, не шевелясь, сидел в кресле, дабы не расплескать своё новое состояние. "Как в этой молоденькой девочке скрыто столько силы, столько любви, способной изменить мир?! Чтобы передать в танце свои переживания, нужно, по крайней мере, всё остро чувствовать. Это же каждый раз до разрыва аорты!.."

Спектакль закончился. Артисты выходили на поклон, их представляли. "Партию Мари исполняла Лея Турава, выпускница хореографического училища... обладательница Гран-при международных конкурсов..." Дальше скороговоркой шли перечисления наград Леи. Она стояла на сцене, передавала помощнику свои букеты, а ей дарили ещё и ещё.

На выходе он увидел её сразу: рыжая копна выющихся во-

лос, вчерашний бежевый плащ. Подойти всё не удавалось: вокруг неё образовалась шумная толпа из парней и девушек. Она отвечала на их шутки, а сама глазами шарила по фойе, ища кого-то. Наконец, заметила Меркулова и улыбнулась ему. Тогда он двинулся в её сторону: всё равно ей не дадут и шагу ступить.

– Ого, ещё цветы! – веселились её знакомые, помогавшие ей с букетами.

Его розы, три белых цветка, смотрелись куцо по сравнению с богатыми букетами, но она приняла с благодарностью и никому их не отдала. Алесей вызвал такси. Молодые люди при машинах порывались отвезти её, но она отказалась, поехала с Алексеем. Подъехало такси, их посадили, разделив букеты поровну. Меркулов сел впереди, Лея, утопая в цветах, – сзади. Он попросил водителя выключить музыку: после Чайковского попсовые треки радиоканала походили на музыкальные помои.

Турава смотрела в окно и иногда в зеркало заднего вида, ища там Лешин взгляд. Напрасно. Он смотрел вперёд, на отражение огней на мокром асфальте, и за всю дорогу не проронил ни слова. Всё никак не мог стряхнуть наваждение: ему виделась на сцене лёгкая стремительная фигурка, которая любит, горит, дышит и рассказывает свою невероятную историю.

Лёха не был знатоком балета: он просто всегда чувствовал фальшь и ненавидел её. Здесь было не просто искусство,

хорошая работа, – здесь была магия! Она завораживала, преворачивала нутро. Бывало, при столкновении с совершенством, Меркулов испытывал катарсис. Сегодня катарсис состоялся.

Такси подъехало к самому подъезду, водитель помог выбраться Лее. Сама она была не в состоянии: руки были заняты букетами. Расплатившись с водителем, Алексей одной свободной рукой (в другой тоже были цветы) открыл дверцу машины и вышел. У квартиры она позволила порыться в своей сумочке (верх доверия) и достать ключи. Все букеты были аккуратно свалены на тахту. Лея же упала в кресло, вытянув ноги на пуфик.

– Посиди со мной, пожалуйста. Я сейчас в норму приду – чаю попью.

И замолчала. Алексей смотрел на неё: маленькую, хрупкую. Глаза её были закрыты. Руки безвольно лежали на подлокотниках кресла. Меркулов отодвинул цветы и присел на краешек тахты. В квартире воцарилась тишина такая, что было слышно, как набирается вода в ванне у соседей.

Прошло минут пять, может семь. Лея открыла глаза, улыбнулась и посмотрела на Алексея с благодарностью. Он чувствовал её, Лею! Что ей сейчас необходимо, а что доставило бы дискомфорт. И ему не нужно было ничего объяснять! Только почему-то старался на неё не смотреть, а встретившись взглядом, отводил глаза. Лея была в замешательстве: "Что изменилось со вчерашнего дня? Почему он сего-

дня с ней другой?"

Из шкафа Турава достала вазы и заполнила их водой. Меркулов кухонным ножом подрезал стебли роз и передавал ей, сидящей на полу, очередной букет. Оба молчали.

Не выдержала Лея:

– Лёш! Ты молчишь весь вечер. Тебе на понравился балет? Я, наверное, тебя зря пригласила...

– Не говори чушь, ты была великолепна! Это был незабываемый вечер благодаря тебе.

Алексей обнял её за плечи, поднял с пола и поставил на ноги. Несколько секунд смотрел в глаза, потом убрал руки:

– Я, наверное, пойду...

– Что, даже чаю со мной не выпьешь?! – горько усмехнулась Лея.

Она уже ничего не понимала.

– Давай как-нибудь в следующий раз. Прости...

И Меркулов пошёл обуваться. Лея стояла рядом и молча смотрела, как он надевает туфли. Потом он выпрямился, подошёл к Тураве, посмотрел на неё долгим взглядом, от которого почему-то щемило сердце. Взял её руку в свою, большую, горячую, подержал несколько секунд, потом наклонился и поцеловал её ладонь. Глаза Леи наполнились слезами: он прощался с ней. Он уходил. А она не понимала: что она сделала не так, ведь вчера всё было хорошо, просто замечательно!

Алексей не стал дожидаться лифта, спустился по ступень-

кам. Для Меркулова многое поменялось за этот вечер. Вчера с этой очаровательной рыжеволосой девчонкой они были на равных. Сегодня между ними пролегла огромная пропасть. Что он может предложить той, которая с лёгкостью меняет пространство и время, переворачивает людские души? Чтобы быть ей необходимым, нужно ей соответствовать. Что он, Лёха Меркулов, обычный среднестатистический парень, из себя представляет?! Таких миллионы! Даже сравнить их мечты: у него – записать альбом своих песен, у неё – танцевать на сцене "Ла Скала".

Он ясно осознавал свою мелкость. Сегодня он прикоснулся к чуду, и сейчас ему неведомо было находиться рядом с нею. Неестественно. Неправильно. Может быть, со временем, он сумеет заслужить её, быть достойным её... "Да, Лея, ты – слишком яркое солнце! Пока Икар не обзаведётся настоящими крыльями, рядом с тобой ему делать нечего".

Алексей заснул только под утро, упав головой на листки, исписанные неровным мужским почерком. Стихи были новые, непохожие на те, что он сочинял раньше. И ещё ему снилась музыка...

* * *

– Лис! Тебя можно поздравить?!

Бодрый голос Саши немного встряхнул Лею после ухода Меркулова.

– Поздравляй! Мы имели успех: планируют отправить в тур по Европе! Правда, придётся выступать не в самых больших театрах. Но Европа, Саш! И ещё... меня от России выставляют на престижный конкурс. Год буду готовиться.

Байер присвистнул.

– Делаешь крутую карьеру, Лисёнок! Своим ещё не звонила?

– Завтра позвоню, сегодня уже поздно. Отец узнает – опять ночь спать не будет.

– Логично. Лёху-то выгнала? А то смотрите у меня! – пошутил Байер.

– Его и выгонять не пришлось: проводил и уехал.

В голосе Леи чувствовалась тоска и одиночество. Саша подумал, что это, пожалуй, первый парень, который "зацепил" Лею.

– Не переживай! Он просто джентльмен, решил, наверное, что тебе нужно после спектакля побыть одной. Я бы и сам так сделал, – как мог постарался утешить Лею Сашка. – Вот увидишь, завтра припрётся!

– Нет, Саш. Он мне руку поцеловал и простился. Глазами...

"Силён мужик!" – подумал Саня.

– Слушай! У меня же телефон его есть, давай я ему позвоню?

– Нет! – она даже вскрикнула. Потом уже спокойно доба-

вила. – Пожалуйста, ничего не надо делать.

– Хорошо, солнышко, я тебе обещаю.

Меркулов не появился ни на следующий день, ни через неделю. Через месяц был выпускной: прошёл просто замечательно! Приехали мама с папой. После торжества бродили по ночной Москве. Утренним рейсом родители улетели обратно в Самару. Лея, уставшая, но счастливая, открывала ключом дверь, как вышла соседка.

– Лея, деточка! Вчера поздно вечером к тебе курьер доставки цветов в дверь названивал. Так я парня пожалела, расписалась в его книжице и цветы приняла. Сейчас, подожди...

И соседка скрылась за порогом, потом появилась с букетом цветов. Лея поблагодарила, забрала свой букет и зашла в квартиру. Разворошив упаковку, тщетно пыталась найти записку. Её не было. Были только три шикарных белых розы.

* * *

В середине июня в Академии появилась новая рок-группа "Брандспойт". Впрочем, вместе играли ребята уже с 1 курса, только официально не заявляли о себе как о группе, и названия не было. Сегодня ребят вызвал к себе зам. начальника Академии по работе с личным составом полковник Линвинчук.

– Молодцы! Наслышан о вас, хорошо поёте. Как говорится, с огоньком! А почему "Брандспойт"?

– Ну, не "Пожарник" же, – засмеялись парни. – А "Брандспойт" звучит!

– Ну да, звучит. Так вот, чтобы ещё лучше звучало, на фестиваль поедете?

– Какой?

У ребят загорелись глаза.

– Фестиваль Вооружённых сил и МЧС России. Конкуренция там серьёзная!

– Поедем! – ответил за всех Меркулов и увеличил количество репетиций.

Фестиваль был в разгаре, когда к Алексею подошёл Николай Расторгуев, Почётный член жюри конкурса.

– Ты автор музыки и текстов? – обратился он к Меркулову.

– Да, Николай Вячеславович, – оторопел солист "Брандспойта".

– Материала много?

– Ну, на пару альбомов хватит.

– Неплохо для начала! – похвалил он Алексея. – Аранжировщика бы вам хорошего: по-другому песни зазвучат! Здесь, на фестивале, многие под фонограмму поют, причём с приличной аранжировкой.

– Я это заметил...

– Вот, возьми телефон. Человека зовут Игорь, скажешь, от меня. Он обычно сначала музыкальный материал просит показать, потом решает: будет ли с автором работать. В тво-

ём случае считайте, что вас прослушали.

– Спасибо... – пребывал в шоке Меркулов.

– И не переживай, если Гран-при не возьмёте. Вас, главное, уже заметили. И посылайте заявки на рок-фестивали. Смело посылайте, даже на раздумывайте! Но только после работы с аранжировщиком.

Рок-группа "Брандспойт" стала лауреатом 1 степени. Гран-при, как и предполагал Расторгуев, достался другим. Но и это была удача! И неожиданный взлёт... Аранжировка придала ту самую неповторимость, которая отличает музыкальные группы друг от друга. У "Брандспойта" появился свой почерк. На рок-фестивале "Нашествие" им, как молодой группе, дали спеть две песни. Одна из песен стала хитом. Группу стали приглашать участвовать в сборных рок-концертах.

Как-то к Меркулову подошёл мужчина, представился продюсером. Он предложил продать свои песни (и тексты, и музыку) для других исполнителей за хорошие деньги. Алексей отказался:

– Сами будем исполнять.

– Да пойми ты, вы, курсанты, – люди подневольные. Вас могут не отпустить на концерт, и вам придётся платить неустойку. Мало времени на репетиции. Соглашайтесь!

Алексей вспомнил, как на третьем курсе, летом, между тревогами и выездами на пожар, они репетировали в коридоре, потому что в комнатах все спали. Как в период сес-

сии играли по ночам в бытовке, и всё равно, сдавали экзамен утром. И сейчас их безоговорочно отпускают на концерты в ночные клубы, потому что знают: они будут утром на общем построении и на занятиях! И никто из ребят не пожаловался и не ушёл из группы. Они верили в него, Лёху Меркулова. Разве может он их подвести?!

– Я же уже Вам сказал, нет!!!

В августе состоялся первый сольный концерт "Брандспойта". Мало того, что группа имела успех у публики: им ещё удалось заработать! Некоторую сумму оставили на развитие группы, остальные деньги отправили родителям. Все парни были не из Москвы, а за пределами МКАД люди были не избалованы зарплатами.

* * *

Сразу после выпускного Лею Тураву пригласил в труппу один из Московских театров. Труппа была разновозрастная, много молодёжи. Особенно Лея сдружилась с Ольгой Керимовой из Вагановки. После репетиции Ольга поймала Лею в гримёрке.

– Слушай, ты что сегодня поздно вечером делаешь?

– Отдыхаю дома.

– Меня один парень сегодня в ночной клуб пригласил, составишь мне компанию? Честно говоря, я его плохо знаю, не очень хочется с ним вдвоём оставаться, вдруг он зануда или

маньяк...

– И ты хочешь, чтобы он и меня придушил, за компанию...

Ольга засмеялась:

– Ну, вдвоём-то мы с тобой как-нибудь отобьёмся: что зря столько лет фуэте учили?!

Ольга была милая, и Лея подумала, что вечер с весёлой подругой разнообразит её размеренную жизнь.

– Ладно, что надевают в ночной клуб?

– Леечка, ты прелесть! А одежду подбирают, исходя из целей. Если снять парня, то что-нибудь сексуальное, а если для себя – комфортное. И без шпилек: если уж туфли, то на платформе. И ночная программа начинается в 22.00, а мы собираемся в 21.00.

– А что за ночная программа?

– По-разному бывает: когда джаз, иногда знаменитых певцов приглашают, или шоу. Сегодня вот рок-группа выступает, новая, но популярность набирает.

Девушки договорились встретиться у входа в ночной клуб. Лея чуть опоздала: долго думала, что бы надеть, и остановилась на маленьком чёрном платье и балетках. Ольга, завидев её издали, замахала рукой.

Народ прибывал. Когда протискивались ко входу, Лея поравнялась с афишей и встала, как вкопанная. С афиши не неё смотрел Меркулов с гитарой и ещё трое парней. "Сольный концерт группы "Брандспойт" – прочитала она. Изумление

Леи не осталось незамеченным зоркой подругой.

– Правда, красавчики?! И хорошую музыку играют. Поговаривают, что они реально – курсанты МЧС. Как думаешь, врут?

Сначала Лея хотела сразу уйти, но желание увидеть и услышать Алексея пересилило, и она направилась ко входу. Час крутили клубную музыку, Ольга даже потанцевала с Максимом, который, кстати, оказался вполне адекватным, весёлым парнем. Лея сидела у барной стойки и пила апельсиновый сок. Дважды к ней подходили познакомиться, но она говорила, что её парень уже подъезжает, и её оставляли в покое.

Наконец, всех пригласили в уютный зал со сценой. Объявили группу, приглушили свет, оставив только софиты на сцене. Вышли музыканты. Публика взорвалась, приветствуя их. К микрофону подошёл Алексей. Поблагодарил за тёплый приём, пожелал хорошего вечера, представил музыкантов и пообещал, что они сделают всё, чтобы вечер был приятным.

А потом были первые аккорды, мощный чистый голос. И мир Леи раскололся, и открылся Космос. Музыка звучала, полностью подчинила себе людей, стоящих в зале. Такие простые и понятные слова добивались до тайников подсознания, открывая иные грани привычного Мира. Энергия, шедшая со сцены, не разрушала, наоборот, давала силу. И люди тянулись к этой силе!

Одна песня сменяла другую. Софиты вращались, мельком

освещающая лица ребят. Лея узнавала и не узнавала Меркулова. Тот парень, на сцене, что владел толпой, который тратил себя, погружая в экстаз своей музыкой, вовсе не походил на улыбчивого курсанта, её случайного гостя.

Вот и последняя песня, видимо хит, потому что во время проигрыша люди стали подпевать, зажгли огни на телефонах и фонарики. Какой-то парень рядом зажжёт сильный фонарь, яркой вспышкой осветив лицо Леи. Она невольно отступила в темноту. Меркулову на какое-то мгновение показалось, что в зале мелькнуло лицо Леи. "Она?! Здесь?!" Он тут же усмехнулся сам себе: такого не может быть, его мозг опять играет с ним! Тем более что это песня о ней и для неё...

Лея спряталась в толпе, последняя песня добила её, из глаз текли слёзы, её трясло. На последнем куплете, она выскользнула из зала, выбежала из клуба и пошла, не разбирая дороги по ночному городу. Через час очнулась, поняла, что заблудилась, подошла к ближайшему дому, прочитала его номер и название улицы, вызвала такси. Когда добралась домой, расправила постель, нырнула в неё, свернулась калачиком под одеялом, чувствуя себя беззащитной маленькой девочкой, одинокой, потерявшейся и никому не нужной...

Ночью ей снилось, что она умирает. Она словно танцевала и таяла на глазах. Утром худрук собрал всю труппу и сообщил, что они ставят "Жизель", что премьера назначена на начало октября и что партию Жизели будет танцевать Турава.

* * *

Август и сентябрь промелькнули незаметно. Репетиция – спектакль – домой спать. Работа над "Жизелью" выжимала все соки. Несколько раз на репетициях у Леи был нервный срыв. Она плакала, чувствуя, что не справляется с ролью.

Прогон останавливали, давали получасовой перерыв. Худрук со стаканом воды садился с ней рядом, ждал, пока прекратятся всхлипывания, и каждый раз говорил: "А ты как хотела?! Трагедию сложно играть. Если не будешь каждый раз любить и умирать со своей героиней, тебе не быть актрисой. И не в технике дело. Чтобы поверил зритель, нужно чтобы поверила ты в реальность происходящего". И она верила. И выкладывалась по полной.

Саша стал видеть Лею ещё реже. По-прежнему покупал продукты, приезжал к ней домой и ждал в квартире. Вот и сейчас он стоял у открытого холодильника и вздыхал: ничего не съела из того, что привозил два дня назад! "На чём она держится? Совсем прозрачная стала!"

Байер сделал себе бутерброд, налил чаю. На столе лежал журнал "Современная музыка". Саша лениво стал листать его, больше обращая внимание на фотографии и заголовки. Вдруг одна фотография показалась знакомой. Сашка перелистнул страницу обратно. Интервью с солистом рок-группы "Брандспойт" Алексеем Меркуловым! И несколько фотографий одного Алексея и его в окружении группы.

Прочитав статью, Байер тут же полез в интернет, прослушал несколько песен группы и был приятно удивлён. Музыка и тексты сильно отличались от того, что пел Алексей раньше. Он ничего не знал о "Брандспойте". А Лея знала: иначе журнал не появился бы у неё на кухне. Знала и ничего ему не сказала. Вывод?! Вывод напрашивался сам собой... "Ох, Лисёнок, как же тебе помочь забыть его?!"

Входная дверь хлопнула, и Лея, скинув туфли, влетела в комнату и стала кружиться, напевая мелодию себе под нос.

– Лисёнок! Привет! Тебе что, на репетиции не хватило?!

Она подбежала к нему, обняла и снова стала кружиться. Байер не знал, что и подумать, поэтому с тревогой спросил:

– Лея! У тебя всё хорошо?!

– Лучше не бывает!!! Сашка! Назначили официально дату премьеры "Жизели". Я буду танцевать балет в мой день рождения 7 октября!!! Я уже забронировала билеты для мамы, папы, тебя и Елены Николаевны.

Сейчас возбуждённая, с блестящими глазами, счастливо улыбающаяся, она была потрясающе красива. Байер отметил, в такие минуты она ничуть не уступала матери. Лея перестала танцевать и обняла его за шею.

– Я приду при одном условии...

Прильнув было к его груди, она вскинула на него глаза в немом вопросе.

– При условии, что ты будешь нормально питаться! – спародировал родительский тон Саня.

Но в Лею вселился лукавый озорной чертёнок:

– А нормально, это как по-твоему?! А известно ли тебе, господин психолог, что балетные сидят на диете? Вот и перечисли мне, что нам нельзя, прояви свою эрудицию, подключи свою интуицию.

– Ладно, – повёлся Байер, чувствуя подвох. – Жирное, сладкое, мучное. И не есть после шести. Угадал?

– Кое-что да! Итак, балерине нельзя: жареное, выпечку, все быстрые углеводы, соки, лимонады, курицу, говядину, баранину свинину, соль, сахар, сметану, сливочное масло, молочный шоколад, джемы-варенья, гречу, рис, макароны. Можно есть: отварное мясо (только телятину, утку), отварную рыбу, морепродукты, овощи сырые, овощи на пару, каши (только на воде, только пшёнку и овсянку и только с утра), фрукты (только до 12, после полудня нельзя), стакан молока утром на завтрак, творог (не более 5 % 2 раза в неделю утром), шоколад (только горький 99% 2 раза в неделю маленькими плиточками), оливковое масло с бальзамическим уксусом на заправку салатов, мёд (только при болезни). Из напитков допускается чай, как отдельное питание, кофе 1-2 раза в неделю – только заварной без молока, без сахара, "смеси-коктейли" (много имбиря, корицы, лимон, мята) завариваются кипятком и пьются, как чай. Приём пищи каждые 3 часа очень маленькими порциями.

– Караул!.. – не сдержавшись, прошептал Саша. Он явно пребывал в шоке. – Ты меня разыгрываешь?!

– Я уже 5 лет так питаюсь...

Байер смотрел на девушку, как на инопланетянку. А ведь действительно, когда Саша приезжал, Лея готовила для него и никогда с ним не ела: только пила чай.

– Ты – самый героический Лис на свете!

– А то! – с торжеством ухмыльнулась она.

* * *

– Товарищ командир, разрешите обратиться.

Алексей Меркулов вытянулся перед командиром.

– Разрешаю, суперстар Меркулов. Что на этот раз?

– Увольнительная в город до 24 часов.

– Лёш! Ну и зачем тебе в город?

– У меня билет в театр.

– Ничего лучше не мог придумать?! Ещё скажи, на балет!!!

Курсант улыбнулся, положил перед командиром билет и отрапортовал:

– Угадали, товарищ командир: балет "Жизель", сегодняшнее число, начало спектакля в 19.00, бельэтаж, 3 ряд, 12 место.

– ?!

Долго перед глазами Меркулова будет стоять лицо командира, когда тот подписывал увольнительную...

Он не мог пропустить Её премьеру! Если бы его не отпустили, он бы пошёл на нарушение Устава: взял – и сбежал.

Алексей не собирался с ней сталкиваться: просто хотел посмотреть издалека ещё раз на волшебство танца в её исполнении. Меркулов ждал сказки. Если бы он знал сюжет...

Лея-Жизель погибала, а он ничего не мог сделать, и когда она упала, бездыханная, на сцене, сердце Меркулова чуть не остановилось. Только в антракте Алексей пришёл в себя, осознавая, что это – всего лишь мастерская постановка.

После спектакля он нарочно встал в очередь в гардероб последним, слился с толпой, сделавшись невидимкой. Турава вышла и направилась к выходу.

Сегодня её не провожали молодые люди, как в прошлый раз. Её обнимал статный мужчина лет 45, рядом улыбалась изящная женщина, очень просто и элегантно одетая. Байер нёс букеты цветов. Букеты были также у немолодой стройной женщины, которую Саша вёл под руку. "Её родные", – понял Алексей, подождал, пока они скроются из виду, и только потом вышел из театра и поехал в общагу.

* * *

Идея ресторана или кафе была отвергнута Леей с самого начала. Если уж не дома, в особняке в Самаре, тогда в Москве. Но дома!!! Лея так редко виделась с мамой и папой! И очень по ним скучала!

К тому же можно поговорить по скайпу с Байерами. Они в Германии: у Даниила продлён контракт с Берлинским филармоническим оркестром.

На кухне хозяйничали мама Дарико и Елена Николаевна, бабушка Саши Байера. Лею они выгнали, и она блаженствовала, валяясь на тахте, болтая босыми ногами и наблюдая, как отец с Сашей расставляют по вазам её многочисленные букеты.

Вдруг она вспомнила вечер после "Щелкунчика", Алексея, подрезающего розы, сидя на полу...

– Если подрезать стебель, роза простоит дольше, – сказала она задумчиво, внезапно погрузнев.

Чуткий, как камертон, Байер уловил щемящую нотку в голосе Леи и поспешил исправить.

– Эксплуататорша!

Сашка залез на тахту, сгрёб Лею в охапку и принялся её щекотать.

– Ну, держись, Лис!

Началась возня: Лея, хохоча, стала отбрыкиваться ногами и сталкивать Байера с тахты. В конце это ей удалось, и Саша с грохотом полетел на пол, задевая ногой и роняя пустые пластиковые вазы. Александр Николаевич Наумов с умилением смотрел на детей: "Хоть и вымахали оба, ничего не изменилось: раньше разносили особняк, теперь эту квартиру!"

На шум из кухни выбежали мама и Елена Николаевна. На полу смеялся Сашка, на тахте, покрасневшая и взлохмаченная, с видом триумфатора сидела именинница.

– Леечка, не бросайся моим внуком, он тебе ещё приго-

дится... – сказала с улыбкой Елена Николаевна.

Убедившись, что жертв нет, а разрушения носят локальный характер, они вернулись на кухню.

Через час всё было готово, стол накрыт, Александр Наумов, как глава семьи, открывал шампанское. Лея растаяла от тёплых слов поздравлений. Она пришла в восторг от колье из бисера от Елены Николаевны, от годового абонемена на массаж, так жизненно ей необходимого, от Байера Сашки. Неожиданно было получить от мамы норковую короткую шубку невероятной красоты.

– Мамочка! Спасибо!!! Твой вкус безупречен! Но ты же не носишь шуб!

– То – я, а то – ты... Прима-балерина должна хорошо выглядеть! Привыкай быть всегда на виду, и что за спиной о тебе будут говорить гадости. Так пусть эта спина будет в стильной шубке!

– Ну, а теперь от меня подарок, – сказал Наумов и обнял дочь. – Самое ценное – это здоровье и время. Поэтому я посчитал, что квартира в 5 минутах ходьбы от твоего театра значительно экономит твоё время и нервы. Что же касается этой квартиры, мы тут посоветовались с Дэном и решили оставить эту квартиру за Сашкой. Так что, охломон, разнося её, знай, что ты разносишь своё жилище.

Распахнутые глаза Леи благодарно сияли, Саша Байер от удивления раскрыл рот...

В разгар праздника запиликал домофон. Лея подбежала к двери.

– Хм, служба доставки... Мы что-нибудь заказывали?

Дарико подозрительно посмотрела на мужа:

– Ты всё-таки решил сделать заказ из ресторана?! Ну, Саша!..

– Ну, что ты, суло чемо, как я могу тебя послушаться?! – говорил Наумов, нежно целуя жену.

В дверь позвонили.

– Добрый вечер! Турава Лея Александровна?

– Да, это я.

Курьер в униформе протянул ручку и блокнот. Лея расписалась, принимая букет, поблагодарила.

– Скажите, а можно узнать, от кого цветы?

– Нет, клиент пожелал скрыть своё имя.

– Ну, пожалуйста, – умоляюще попросила она.

– Девушка, я всего лишь курьер. Мы не владем информацией: знает тот, кто принимал заказ. Мне очень жаль...

Лея закрыла дверь. Прошла в комнату.

– Кто-то мне цветы прислал... Пойду на кухню, поставлю в вазу.

Букет был закрыт плотной серой бумагой, скреплённой степлером.

– Правильно, чтобы не замёрзли, бедненькие...

Разорвав упаковку, ахнула: три белых розы в окруже-

нии ярко-рыжих хризантем и открытка: "С днём рождения, Лея!" Три белых розы... "Мне уже, помнится, приносили на дом... А я, глупая, сочла простым совпадением. Неужели и те цветы были от Него?! И сегодня?"

Сердце учащённо билось, Лея села. Байер нашёл её задумчивой и притихшей.

– Лея! Что стряслось?!

Она только и смогла что поднять на него беспомощный взгляд серо-голубых глаз, в которых стояли слёзы. Сашка догадался:

– Цветы от него?

– Я, думаю, да...

– Позвони ему.

– А если это не он?

– Тогда точно узнаешь, что это не он. Принести тебе телефон?

Лея покачала головой. Байер принёс два телефона, нашёл на своём Меркулова, набрал его номер с телефона Леи и, отдав ей трубку, вышел. Вызов пошёл, затем спокойный бархатистый голос ответил:

– Да, слушаю.

Лея молчала. "Что она ему скажет? Первый час ночи..."

– Говорите!

Лея положила телефон. "Трусиха! Вот и поговорила..." Минуту смотрела в пол. Вдруг телефон её ожил. "Боже! Он звонит ей!" Она прислонила телефон к уху, молчала, не ре-

шаяся ответить. На другом конце тоже была тишина...

Как вдруг Алексей сказал:

– Лея! Не клади, пожалуйста, трубку. Можешь ничего не говорить, просто дышать. Только не бросай трубку.

– Как? Как ты понял, что это я? – тихо спросила она.

– Я уже засыпал, и вдруг увидел твоё лицо, а через секунду позвонила ты.

– Цветы ты мне прислал?

– Да.

– Спасибо. И за прошлый букет из трёх белых роз на выпускной тоже.

– Я рад, что тебе понравилось.

Ей вдруг так захотелось его увидеть!

– А ты можешь сейчас ко мне приехать?

– Нет, Лея, через КПП меня не пропустят, а увольнительная только до полуночи. Да и родные у тебя: мама, папа, – не поймут, если посреди ночи заявлюсь...

– А откуда ты..? Меркулов!!! Ты что, был в театре?! – воскликнула ошарашенная Лея.

– Ну, солнышко, разве я мог пропустить твою премьеру?! – мягко сказал он.

Лее вдруг стало жарко: "солнышко..."

– Скажи что-нибудь ещё, – попросила она.

– Когда я тебя увижу? Ты завтра в театре до сколько?

У Леи голова шла кругом: "Он хочет меня видеть!"

– Нас отпустили после премьеры, я завтра только родных

провожаю в три часа...

– Тогда я тебя наберу.

– Спокойной ночи.

На другом конце Меркулов усмехнулся:

– Ну, теперь-то я вряд ли засну...

* * *

Осень решила сделать подарок – два солнечных дня после недели дождей. Они договорились встретиться у метро "Арбатская". Турава заметила его издали: сегодня Алексей был в форме, которая ещё добавляла роста и чрезвычайно ему шла. Лея смотрела, словно видела Меркулова в первый раз.

Он подошёл и шутливо отрапортовал:

– Курсант Меркулов поступает в наиполнейшее Ваше распоряжение.

– Привет! Какой ты! – сказала она тихо и осторожно провела пальцем по нашивке с его фамилией, именем и отчеством. – Меркулов Алексей...

– Валерьевич.

Лёха улыбался. И вдруг внезапно прижал её к груди. Не говоря ни слова. Как награду. Как величайшее сокровище, как приз его жизни... Зачем ещё о чём-то говорить?! Их души давно обо всём договорились и без них...

У Леи кружилась голова, она боялась дышать, её внутренний "котёнок" жмурился от удовольствия в руках хозяина. Алексей ослабил объятия, и она смогла поднять голову.

– Ну всё, Лис, приручила меня! "Теперь ты в ответе за того, кого приручила".

– Кто кого ещё приручил, причём с первого дня?! – смущённо пробормотала Лея, стыдливо опустила глаза и снова спряталась на его груди.

Меркулов засмеялся, потом смысл её слов дошёл до него, он резко замолчал.

Говорить не мог, в горле перехватило, только прошептал:
– Лея...

Затем взял её за руку, и они пошли рядом. И ей, Лее Тураве, было без разницы, куда следовать за ним: лишь бы он держал её за руку и не отпускал.

Она смутно помнила, где они бродили. Были какие-то мосты, дворики, кофейня, парк. Очнулась уже у подъезда своего дома. Он завёл её в квартиру, сам остался стоять, не разуваясь.

– Ты уходишь?! – не верила она свои глазам.

Меркулов молча кивнул головой.

– Останься!... – произнесла она с отчаянием.

Глаза её умоляли, не отпускали, лишали воли. Меркулов притянул её к себе и поцеловал в губы жадно и в то же время нежно.

– Я не могу. Мне очень сложно это сделать, но сегодня я должен уйти.

– Почему?

– У нас как в армии. За нарушением внутреннего распо-

рядка следует мера наказания. Но в армии – это наряд, а у нас могут отчислить. Просто отпусти меня сегодня. Я обещаю, я решу этот вопрос.

Лея нежно обвила его руками, вдыхая на прощание его запах.

– Позвонишь мне сегодня?

Меркулов кивнул и быстро вышел, почти выбежал, ибо его воля висела на тоненьком волоске, вот-вот готовом оборваться.

* * *

Зам. начальника Академии по работе с личным составом полковник Линвинчук разбирал скопившиеся на его столе рапорты, как в дверь постучали.

– Разрешите войти, товарищ полковник.

– Входите. А, курсант Меркулов! – узнал Алексея Литвинчук и предложил сесть. – Что, проблемы с учёбой?

– Никак нет, Андрей Ильич, все зачёты, экзамены сданы, практику прохожу согласно графику: нареканий, вроде, нет. Я – с просьбой.

– Говори.

– Нам часто приходится выступать в ночных клубах, начальник курса уже устал выписывать нам увольнительные. Возможно ли нам проживать не в общежитии Академии, а снимать жильё и приезжать к началу занятий, как студенты-заочники?

– Или как семейные, – вдруг сказал полковник и внимательно посмотрел на Меркулова. – Я так полагаю, дело тут не только в концертной деятельности... Я понял, курсант, подумаю и сообщу вашему начальнику курса.

– Разрешите идти?

– Да иди уже, Меркулов, иди.

"Ох, женщины-женщины! Самый стойкий пал..."

* * *

Новая квартира у театра была двухкомнатная. Отец специально купил двушку, чтобы не останавливаться в гостиницах, приезжая в Москву в гости или по делам.

В квартире пахло свежим ремонтом, она была светлая, просторная, в старом доме с большими потолками. Когда уставшая Лея пришла из театра, по квартире расхаживали грузчики, носили детали мебели, зеркала. Командовали Саша с Алексеем. Чтобы не быть затоптанной, она скрылась в ванной, набрала воды, добавила пены и отключилась. Очнувшись, когда в дверь постучали:

– Лея, ты там ещё жива? – узнала она голос Алексея. – Выходи! Страшные дядьки давно ушли.

Она вышла и направилась на жужжащий звук шуруповёрта. Мужики собирали мебель слаженно, Турава любовалась двумя самыми любимыми мужчинами после отца.

– Ужинать будете?

Только сейчас они заметили её:

– О! Лисёнок из ванны вылез...

– Пойду приготовлю чего-нибудь.

Сырный суп и котлеты пахли так, что Саша с Алексеем сами пришли на кухню, даже звать не пришлось.

– Здесь спасают от голодной смерти? – спросил Меркулов, бросая нежный взгляд на Лею.

– Руки мойте.

За ужином Байер наблюдал за Леей и Алексеем. Они вели себя обычно, но когда находились в одной комнате, пространство вокруг начинало звенеть, одно что не искрило... "Во дают!" – удивлялся Саня, попадая в поле их взаимного притяжения.

– Спасибо, было очень вкусно! – поцеловал в лоб Лею Байер, хватаясь за телефон. – Да, я внимательно слушаю...

Поговорив, он стал спешно собираться.

– Саш, что-нибудь стряслось?!

Лея с озабоченным лицом провожала его в прихожей. Он обнял её за плечи и успокоил:

– Проблема у моего друга: у его девушки семья в аварию попала. Девушка в истерике. Это нормальная реакция человека, приеду – разберёмся. Я ж психолог, Лисёнок, привыкай!

Подошёл и встал рядом с Леей Меркулов.

– Лёш, прости, с мебелью закончить не получилось...

– Ну всё, я пропал! – пародируя Сергея Зверева, съехидничал Лёха так, что они с Леей покатались со смеху.

Пожимая ему руку, Байер заметил: левой рукой Меркулов приобнял Лею за талию, а она незаметно прислонилась к его плечу головой. Закрыв дверь за Сашей, они вернулись на кухню.

С мебелью Меркулов разобрался очень быстро. Лея сидела на кровати в спальне и любовалась на новенький шкаф-купе, на туалетный столик с зеркалом, на полочки для женских безделушек. Потом грустно посмотрела на часы: начало девятого. Сейчас Алексей соберётся и уйдёт. Он и правда прибрал инструменты и подошёл к ней. Мягко притянул к себе, погладил ладонью по щеке.

– Проводишь?

Лея вздохнула и кивнула головой. Она уже смирилась с его "внутренним распорядком". На пороге Лёха многозначительно посмотрел на Тураву. Впрочем, расстроенная, она этот взгляд так и не поняла.

Прихватив книжку, Лея залезла в кресло с ногами, завернувшись в плед. Глаза скользили по строчкам, но смысл терялся, ускользал: её мысли были далеко. Она вспоминала их историю с Меркуловым: невероятное знакомство, разборку Саши и Алексея на кухне, их с Леей болезненное прощание после "Щелкунчика", концерт группы Меркулова в клубе, их странный телефонный разговор, последние дни коротких нежных свиданий...

Вереницу дорогих воспоминаний прервал резкий звонок в дверь, от неожиданности она даже выронила книгу. Лея

открыла дверь и ахнула: на пороге стоял Меркулов с огромным букетом роз и бутылкой шампанского.

– Ты не уехал?! – в глазах Леи были удивление и восторг.

– Я же обещал, что решу проблему... – усмехнулся Алексей.

Он снял куртку и ботинки, оставил цветы и шампанское на кухне и скрылся в ванной. На полочке нашёл полотенце: "О! Моё любимое: салатное, с бабочками..." Обернувшись им, вышел. Алексей отыскал Лею на кухне: она уже позаботилась о цветах, они стояли в вазе, источая тонкий аромат. Подойдя к ней, заглянул в бездонные серо-голубые глаза, потом поднял её на руки и понёс в спальню...

Она лежала на руке Меркулова, слушая его дыхание. Он нежно гладил её по волосам, вдыхая запах кожи, наблюдая, как бисеринки пота проступают на шее и струйками скатываются вниз.

– Ты понимаешь, что я больше не смогу без тебя? – вдруг тихо сказала Лея, касаясь губами его кожи, распространяя полчища мурашек.

Вместо ответа он перевернул её на спину, навис над ней, глядя прямо в глаза.

– С ума сошла?! Кто тебя куда отпустит?! – нажимая на каждое слово, ответил Меркулов.

Лея запустила пальцы в его волосы и спросила:

– Лёш, скажи мне правду, почему ты ушёл тогда, после

спектакля?

– Счёл, что недостойн тебя, – вздохнув, признался он, отводя взгляд в сторону.

Потом перевернулся на спину и заложил руку за голову.

– А сейчас?

– А сейчас мне пофиг на это!

Сказал и притянул Лею к себе, чтоб не отпускать до самого утра...

* * *

Два будильника сработали одновременно.

– Не хочу на работу, – вздохнув, пожаловалась Лея и скрылась с головой под одеялом.

Меркулов засмеялся, закатал её вместе с одеялом в большую трубу: получилась большая гусеница. Турава пыталась выбраться – куда там!

–Э! Отпусти меня!

– Может, тебе и правда не ходить на работу? – мечтательно произнёс Лёха. – Большим гусеницам не полагается работать, им рекомендуется спать до полудня и превращаться в бабочку.

– Нет, я уже передумала! – подала голос из недр одеяла Лея.

Меркулов осторожно развернул любимый "свёрток" и нежно поцеловал свою женщину:

– С добрым утром, мой ангел!

За завтраком Лея без угрызений совести позволила себе бутерброд с маслом и сыром: после прошедшей ночи калории можно было не считать...

– У тебя сахар где? – спросил Алексей, оглядываясь по сторонам.

Лея махнула на холодильник. Меркулов встал, достал коробочку, прихватил лежавший рядом журнал.

– О! "Современная музыка". Неплохой журнал, лишнего только много пишут.

Лёха бросил в чай два кусочка сахара, размешал ложечкой и открыл журнал. Лицо его вытянулось: это было его интервью и фотографии "Брандспойта".

– Ты... знаешь?!

– Знаю. Уже давно, – тихо ответила она. – И даже была на вашем сольном концерте.

– Ты была на концерте?! – не смог скрыть волнения и удивления он.

Меркулов внимательно смотрел на Лею, словно ожидая приговора.

– Это было потрясающе! Не передать словами... Твоя музыка – это что-то!!! После неё хочется стать лучше, – сказала Лея и обняла его.

– Это было в клубе "Сити парк"? А я думал, что схожу с ума, когда в толпе увидел твоё лицо.

– Я быстро спряталась: не хотела попадаться тебе на глаза.

– Почему?!

– Ну... – замялась она.

– Говори.

– Ты не появлялся: я сделала вывод, что не нужна тебе.

– Короче, дураки оба.

– Ага, – загадочно улыбалась она. – Столько времени потеряли...

Меркулов посмотрел на часы:

– Кстати, о времени... Кто-то уже опаздывает. Мне-то ко второй паре.

И они стали лихорадочно собираться.

* * *

Байер заехал уже в шестом часу. На звук ключа, открывающего дверь, ему навстречу, как всегда, выскочила Лея.

– Ты голодный?

– Естественно! А вчерашний суп ещё остался? – на ходу бросил Сашка, проходя в спальню.

Открыл и осмотрел шкаф-купе, столик, полочки – остался доволен.

– Надо же, собрал идеально! Даже у меня бы так не получилось. Ну, они там, в МЧС, с техникой возятся: руки должны из правильных мест расти...

Лея улыбалась уголками губ.

– Пошли есть, товарищ контролёр.

Сашка прошёл за ней на кухню и сел. И только сейчас почувствовал: что-то поменялось. Байер всегда ловил такие ве-

щи, и сейчас его мозг лихорадочно анализировал и искал ответ. Лея подошла к холодильнику, достала кастрюлю, налила большую тарелку супа, осторожно донесла её до микроволновки и поставила разогревать.

– Забыла спросить, как там дела у этой девочки, у которой родные в аварию попали?

– А! Да живы все. Когда ей звонили, там непонятно всё было, вот и запаниковал человек. Короче, ложная тревога. Зато мы с другом теперь знаем, как она реагирует в подобных случаях, – съехидничал он.

Лея фыркнула и тихонько шлёпнула Сашку по затылку. Потом поставила перед ним тарелку ароматного супа, положила ложку, хлеб и села рядом. Сашка ел и смотрел на неё, потягивающую свой фирменный напиток: с корицей, мятой, имбирём.

Лёгким незаметным движением она поправила прядку волос. Вдруг его словно ударило током: поменялось не что-то – поменялась она сама, Лея! Движения стали другими! Взгляд стал другим! Говорит, даже молчит она по-другому!!!

Он впился в Тураву взглядом, надеясь, что ему показалось. Но нет: игривый котёнок-подросток исчез. На его смену пришла неспешная, грациозная, осознающая свою силу пантера. Байер к таким изменениям оказался не готов... Он даже встал.

– Вы хотя бы?.. – начал было Сашка и не договорил.

По тому, как она отвела глаза и закусил губу, он понял, что даже и не думали...

– Я убью его! – пообещал Сашка и сжал кулак.

Лея молча стояла, смотрела, как бесится Байер, и ждала. Она с детства знала: вспыльчивый и отходчивый.

Байер устало опустил на стул.

– Что это я, в самом деле, завёлся! Я ж тебе не отец. Вот отец приедет – пусть с тобой и разбирается... Он как раз через неделю в Москву приезжает: филиал своей фирмы открывать.

– Саш! Ты же ему не скажешь?

– Лея! Это я, тупица, только через пятнадцать минут догадался, а он с порога всё поймёт.

Турава гордо подняла голову. "Как она все-таки похожа иной раз на мать!" – отметил про себя Байер.

– Я не боюсь отца!

– Понятное дело, он в тебе души не чает! Даже словом не попрекнёт, вот увидишь! Просто размажет по стенке Меркулова, и всё...

Сашка поднялся, поцеловал Лею в щёку, благодаря за ужин, и направился к выходу.

– Может, посидишь ещё? – спросила она с надеждою.

– Он ведь сюда сегодня припрётся? – ответил вопросом на вопрос Саня.

Глаза Леи вспыхнули радостным светом, на лице расцвела виновато-счастливая улыбка, и, смутившись, она кивнула.

– Так вот, сегодня нам лучше не встречаться... – с угрозой в голосе произнес он.

Потом достал из кармана ключ от квартиры Леи и выложил его на полочку в прихожей.

– Вот так, да?! Ладно... А если бы на его месте был ты? – поддела она Сашку.

Байера этот вопрос застал врасплох. Он внимательно посмотрел на Тураву, стараясь оценить её непредвзято, просто, как девушку, а не как сестру, и поймал себя на мысли: "Будь я на месте Меркулова, я бы сделал всё, чтобы остаться у неё в тот день после спектакля. И тем более не страдал бы фигурой три месяца!"

Но вслух сказал только:

– Мне и на моём месте неплохо.

И вышел, поражаясь, как ловко своим вопросом "сделал" его Лисёнок. И потом, в машине, Байер с грустью подумал, что хоть он и не обделён женским вниманием, ещё не встретил ту, у которой при мысли о нём так загорались глаза...

* * *

Ключ, оставленный Сашей, Лея отдала Алексею, и он, оставив общую репетиционную квартиру на друзей, переехал к ней. Байер, убедившись, что о сестрёнке есть кому заботиться, выслушивать, вовремя забивать холодильник продуктами, успокоился.

Даже несколько раз приезжал не к Тураве, а к ним двоим,

и в первые же 5 минут поставил диагноз – взаимная влюблённость до одури: у обоих были неприлично-счастливые глаза, и они дурачились, как подростки.

Лея чертовски похорошела: превратилась в пленительную роскошную красотку. Байер признавал, что в стремлении сделать женщину счастливой Меркулов преуспел.

Время шло, осень была на исходе.

Лея с удивлением заметила, что легко отличает звук его шагов по лестнице от чужих. Она научилась ловить его настоящее настроение, тщательно скрываемое, ибо для неё у Меркулова всё всегда было прекрасно. Научилась чувствовать, насколько он вымотался, и умирять, когда его тянуло на подвиги... Часто он приходил глубоко за полночь, с концерта, едва держась на ногах от усталости. Иногда по три-четыре дня пропадал на учениях. Возвращался к ней похudevший, пропахший гарью.

Меркулов же почти смирился с её нещадным графиком работы: Турава начала готовиться к престижному международному конкурсу, продолжая работать в театре и участвовать в постановках.

Бывало, он видел её только за завтраком и уже спящей в постели. Но Алексей так и не научился спокойно смотреть, как она плачет, бинтуя и разминая распухшие стопы, и забирать с репетиций после очередного обморока. Но без Леи он уже не мог.

Неделя, когда они не виделись из-за приезда отца, пока-

залась Меркулову пыткой. Правда, за эту неделю он написал две новые песни, и ещё три так и остались набросками.

Как и предполагал Саша, отец очень быстро всё понял, его карие глаза на мгновение стали почти чёрными, потом волна улеглась.

Пристально глядя в глаза дочери, он только спросил:

– Ты его хотя бы любишь?

Вместо ответа она забралась к нему на колени и прижалась, как раньше, будучи маленькой девочкой. Наумов только вздохнул.

Наступил декабрь. "Брандспойт" переживал невероятный подъём, набирал обороты. Всё больше их песен были на слуху. Их аранжировщик договорился с профессиональной студией о записи их нового альбома. Меркулов специально не показывал Лее новые песни: готовил сюрприз. Наконец, 5 декабря на сцене солидного ночного клуба "Барселона" должен был состояться новый сольный концерт их группы.

Обнаружив рано утром на своей подушке розу с прицепленным на неё пригласительным, Лея бросилась к Алексею:

– Меркулов! Тихушник. Вот это сюрприз!!! Это же сегодня вечером!

Он смотрел, как она искренне радуется, и улыбался. Жаль только, ей придётся приехать самой. Они должны заранее выставить и проверить звук, ещё раз пройти по репертуару.

– Ты можешь надеть светлую одежду, чтобы мне тебя было видно со сцены? – попросил Меркулов.

– Могу надеть белую короткую пачку, – засмеялась она.

– Ага, и сорвать нам концерт! Тогда нас точно слушать не будут: все будут пялиться на твои скульптурные ножки.

– Ладно, диктатор, оденусь поскромнее... – смиренно пообещала Турава, бросив на Лёху хитрый взгляд.

– Уж сделай одолжение, – по-хозяйски произнёс он, заключая в объятия рыжую бестию.

* * *

Алексей попросил Тураву приехать к восьми вечера. Лично встретил её у входа. Помог снять пальто да так и остался стоять, раскрыв рот.

– Это называется скромно одеться?! – спросил он, когда речь вернулась к нему.

Турава оглядела себя в большом зеркале.

– А что?! Юбочка до колена, блузка закрытая, туфли на танкетке. Скромненько и со вкусом...

Белая кружевная юбка-карандаш подчёркивала безупречную фигуру балерины, делала стройные ноги бесконечными. Лёгкая блузка из шифона цвета мяты освежала кожу и усиливала цвет волос. Нитка жемчуга и клатч. Всё! Образ был закончен. Он останавливал и примагничивал взгляды мужчин и женщин. Первые расправляли плечи, вторые втягивали живот, чтоб казаться стройнее...

– Тебе не нравится?!

Меркулов молчал, не зная, что ответить.

– По клубу одна не ходишь, к барным стойкам не приближаешься! От меня ни на шаг!!! Когда я буду петь, будешь стоять около сцены, чтобы я тебя видел! – наконец разразился речью Лёха, взял её за руку и повёл за собой к музыкантам.

Концерт начался. Публика заполняла и заполняла зал. Турава отметила: свет и звук в "Барселоне" были на порядок выше, чем в "Сити парке". Группу принимали очень хорошо. Ребята спели для разогрева пару старых песен, а затем стали исполнять новые. Музыка зачаровывала, энергичные песни сменялись лирикой. Лея растворялась в мелодии, растворялась в словах. Ей казалось, что песни написаны кем-то свыше, а Алексей их только исполняет. Иначе как человек мог такое написать!!!

Сначала она стояла около сцены, затем фанатки оттеснили её, и она оказалась в середине зала. Вдруг во время одной из песен в зале послышался шум, прозвучали восемь выстрелов. Закричали люди, но паники не было: толпа резко раздалась, освобождая небольшой пятачок. Группа перестала играть. Включили свет. Того, кто стрелял, держали за руки. Семь человек лежали на полу. Меркулов видел, как кто-то поднимает на руки рыжеволосую девушку в белой кружевной юбке, и на блузке у неё растекается алое пятно крови.

– Лея! – заорал Меркулов и бросился со сцены в зал.

Как подлетел к ней сквозь толпу, он не помнил. Выхватил

её из рук мужика, осмотрел: рана была на животе.

– Лея! Открой глаза! Не молчи!!! Смотри на меня! Врача! Скорую вызвали?

Ему кричали, что стреляли из травматика, что, скорее всего, она жить будет. Он их не слушал. Не в лучшем состоянии были и другие жертвы: кто-то стонал, кто-то был в состоянии шока.

– Лея! Лисёнок! Посмотри на меня!!! – отчаянно призывал он.

Она открыла глаза, слабо улыбнулась.

–Лёша...

И обмякла в его руках, потеряв сознание. Он прижал её к себе, целовал в лоб: на Меркулова было страшно смотреть!.. Наконец, завывли сирены. Клуб оцепили наряды полиции, врачи с носилками бежали на помощь.

– Слава Богу, быстро приехали, – прошептал белый как мел Меркулов, укладывая Лею на носилки.

Кто-то подобрал и положил рядом с ней её сумочку. На улице было много народу, пресса вела репортаж. Назойливый оператор тщательно снимал Меркулова, Лею на носилках, и как их помещают в скорую.

Лёхе было на него наплевать, он повторял как мантру:

– Девочка моя, потерпи! Потерпи до больницы. Ты меня слышишь?!

* * *

Дарико сидела в гостиной, перед телевизором на коврике, и делала упражнения по растяжке, которым научила её дочь. Шла программа вечерних новостей. Турава слушала вполуха, больше концентрируясь на дыхании.

Как вдруг диктор с экрана произнёс:

– А теперь экстренная новость. Только что в одном из московских ночных клубов на концерте рок-группы "Брандспойт" неизвестный открыл стрельбу из травматического оружия. Есть жертвы. Среди них – балерина одного из московских театров Лея Турава. Судя по всему, это – девушка солиста "Брандспойта" Алексея Меркулова. Личности других пострадавших устанавливаются...

Дальше Дарико уже не слушала. "Саша!!!" – услышал её крик Наумов и прибежал в гостиную. Она стояла с безумными глазами, ища защиты у супруга от этой страшной новости.

– Саша! Наша девочка... – она не договорила, ноги её ослабели, и она упала на руки мужу.

– Дэри, сядь, – мягко приказал Наумов. – Давай всё по порядку, и попробуй без эмоций.

Дарико передала мужу всё, что услышала в новостях.

– Ты же сама журналист: информация может быть необъективная. Не накручивай себя. Я во всём разберусь!

Турава с восхищением смотрела на Сашу, благодаря небо за то, что он у неё есть.

* * *

Лея пришла в себя уже в реанимобиле. Её перевязали, кровь уже не шла. Меркулов держал её за руку, другой рукой гладил по щеке.

– Как ты меня напугала... Маленький коварный Лис!

Она улыбалась, потом поцеловала руку, ту, что касалась её щеки.

– А концерт – просто фантастика!

– Да уж, надолго запомнится! – с сарказмом произнёс Меркулов.

– Как фамилия? – спросила доктор, заполняя бланки.

– Меркулов. Имя Алексей, – отозвался Лёха.

– У девушки как имя и отчество?

– Лея Александровна, – продиктовал он.

– Так и запишем: Меркулова Лея Александровна. Полная дата рождения?

– Турава. Моя фамилия – Турава, – поправила Лея, потом нежно посмотрела на Алексея. – Хотя... "Меркулова Лея Александровна" – тоже отлично звучит.

Телефон её зазвонил внезапно, Меркулов нащупал сумочку, достал телефон и, не подумав, ответил.

– Да, слушаю.

Потом только сообразил:

– Лея, по-моему, это твой отец...

– Отец?!

– Передаю ей трубку...

Лея выхватила у него телефон:

– Папочка, что-то случилось?

– Ты где, в больнице? Только не ври мне! Мы видели репортаж: мать в истерике бьётся.

– Пап! Со мной всё хорошо. Стреляли из травматического оружия, это резиновая пулька такая, мне в живот попала.

– Это ты мне будешь рассказывать, что такое травматика?! Крови много потеряла?

Лея была ошарашена: "Вот откуда он знает все подробности?!"

– Не так, чтобы... Но я себя нормально чувствую.

– Я вылетаю в Москву.

– Папа, не стоит бросать дела из-за моей царапины.

Меркулов взял телефон.

– Ещё раз добрый вечер, Лея права: всё под контролем, ей сделают перевязку и, скорее всего, отправят домой. Вам, действительно не обязательно срываться в Москву.

– Тебя забыл спросить! – резко оборвал Алексея Наумов.

* * *

В больнице извлекли пулю, обработали рану. Вопреки прогнозам Меркулова, домой Лею не пустили. Алексея пытались выгнать из больницы, но он под предлогом, что она теперь боится оставаться без него одна, остался ночевать на стуле рядом с её кроватью.

В коридоре были слышны шаги, в соседней палате шумел

кран: видимо, умывались перед сном. В палате, где лежала Турава, стояла тишина. Меркулов положил голову ей на кровать, она, не видя в темноте его лица, гладила его по голове, запуская тонкие пальцы в его короткую шевелюру.

– Лея!

– Что, Лёш?

– Да случай с тобой у меня из головы не идёт. Подними он пистолет выше – я ведь мог потерять тебя... Я просто сегодня в клубе понял: насколько ты дорога мне!

Она только шумно вздохнула.

– Лея! Выходи за меня замуж! Я, конечно, не олигарх и не политик: золотые горы ты вряд ли со мной увидишь. Но...

– Дурак ты, Меркулов...

Она потянулась к нему и нашла его губы.

– Я согласна. Только давай моему отцу пока ничего говорить не будем, ладно?!

– Отец у тебя мужик что надо! Расскажи мне о нём.

– Папа у меня крутой: мастер спорта по мотогонкам, кандидат в мастера спорта по боксу, бессменный президент мотоклуба, владелец сети автомастерских и мотосалонов и просто замечательный человек. Я им очень горжусь! Наумов Александр Николаевич.

– Это я знаю. Тебе повезло, всегда хотел отца иметь. Нас с братом мама растила, мы отца и не помним...

Потом он поменял тему разговора:

– Ты завтра меня не теряй, я рано уеду. После двух пар –

сразу к тебе. Ну, всё, давай засыпай, Лисёнок!

* * *

Наумов прилетел утром. Сразу зашёл к лечащему врачу. После разговора с ним позвонил домой и только потом заглянул к дочери.

– Папа! – обрадовалась Лея, обнимая отца. – Мама как? Сильно переживает?

– Вчера ей досталось: она новости первая увидела – и тебя там на носилках крупным планом! Так что ночка была не самая спокойная... Сегодня уже нормально, тебе привет передаёт.

– Мамочка!

– Ты мне вот что, дочь, скажи, кто такой Алексей Меркулов? Пресса раззвонила, что ты – девушка этой восходящей рок-звезды.

– Так и есть, пап. Он – талантлив и отличный музыкант!

– Даже если это так, тусовки, клубы – это не для тебя, Лисёнок! Я это к чему: вы должны с ним расстаться.

Лея побледнела.

– У тебя в апреле конкурс, где будет решаться твоё будущее как балерины.

– Я к нему уже готовлюсь. Меркулов здесь при чём?!

– Ты едва коснулась его мира, и сегодня ты в больнице.

– Папа! Это – просто случайность. И ты его совсем не знаешь!!!

– Понятно, тебе 18, тебе хочется любить. Но он – не тот человек, который тебе нужен.

– Ты хотя бы поговори с ним!!!

– Хорошо, мне всё равно придётся с ним побеседовать, но это вряд ли поменяет моё решение.

– Почему?!

– Потому что дочь у меня одна! – сказал Наумов и вышел.

* * *

Когда Меркулов пришёл в больницу, к Лее его не пустили. У дверей палаты стоял охранник, который и загородил дорогу. "Ясно, "крутой папа" перешёл к крутым мерам..." – грустно усмехнулся Алексей.

– Лея, ты как?

Девушка подбежала к двери.

– Нормально! Ранка затягивается. Сегодня вечером домой. Завтра репетиция и спектакль.

– Какая репетиция?! Какой спектакль?! Тебе лежать надо!

– Лёш! Я так рада, что ты пришёл!!!

– Ага, и не дошёл...

Она грустно вздохнула:

– Я тоже хочу тебя видеть...

Меркулова вдруг осенило:

– Окно открой.

– Серенаду будешь петь?

– Ну, типа того.

Когда Меркулов показался в проёме окна, она ахнула:

– С ума сошёл! Третий этаж!!!

– Там дерево удобное – повезло. Иди ко мне...

Они не успели разлепить объятия, когда вошёл Наумов. так и стояли, обнимая друг друга. Лицо охранника вытянулось.

– Александр Николаевич! Да как же он?..

– Через окно. Их там хорошо готовят, в МЧС, – ответил Наумов, потом обратился к Меркулову. – Пойдём, курсант, поговорить надо. Куртку не забудь!

Лея провожала отчаянными глазами своих самых любимых мужчин. Они вышли. Меркулов молчал. Говорил Наумов. Что они с его дочерью разные, что у неё большое будущее, что ему нужно поискать себе девушку в среде музыкантов.

Алексей мало обращал внимания на слова: он смотрел, как Наумов держится, как говорит. Отец Леи внушал уважение. Он поймал себя на мысли, что невольно ставит себя на его место. "Как бы я повёл себя, будь у меня взрослая дочь? И вообще, в каком возрасте балерины решаются заводить детей? Хотелось бы трёх: двух пацанов и девочку..."

Наумов закончил говорить. Лёха вздохнул. Ему очень не хотелось огорчать хорошего человека, но видимо, придётся:

– Я обещал Лее не оставлять её и всегда быть рядом. Я уйду, только если она сама лично меня об этом попросит. А

до тех пор я буду с ней, хотите Вы этого или нет.

Теперь пришла очередь Наумова ставить себя на место курсанта. "А отступился бы он в такой ситуации от Дарико? Да ни за что!" Где-то в глубине души Алексей был ему симпатичен: "А в парне есть стержень..."

– Так или иначе, я запрещаю тебе приближаться к Лее.

– Я это уже понял, – ухмыльнулся Меркулов, взял курку и пошёл к выходу.

* * *

Жизнь потекла своим чередом. Меркулов сдавал последнюю сессию, Лея готовилась к конкурсу. Он не появлялся у неё на квартире, зато она проникала в его, оторвавшись от "хвоста".

Они обнимались в кафешках, гуляли по городу, назначали свидания и встречались тайком. В этом была своя, особая прелесть! Наступал канун Нового года.

После спектакля 30 декабря Лея не пришла домой: Меркулов, одолжив у друга машину, выкрал её прямо из театра со служебного входа. Охранник простоял до закрытия театра, потом позвонил в Самару.

– Паршивец! Он куда-то увёз её! – вспылил Наумов и пнул ножку стола.

Дарико, фаршируя курицу, бросила любящий и снисходительный взгляд на Сашу.

– Мне уже нравится этот мальчик, – кокетливо поддела она мужа. – Перейти дорогу самому Наумову!

Спасись бегством ей так и не удалось...

Когда Наумов вернул Дэри на кухню к её курице, она сказала:

– Отстань ты от них! Ты что, Лею не знаешь?! Она хоть и мягкая, но упёртая: вся в меня. И ещё... У неё что, совсем вкуса нет по-твоему? Неужели, имея такого отца, как ты, она бы выбрала слабака?

И Дарико с гордостью поцеловала мужа.

* * *

Он вёз её домой, в Дмитров, к маме. В Москве пришлось постоять в пробках, потом трасса стала свободнее. Она сидела рядом, смотрела на Меркулова влюблённым взглядом, впервые наблюдая его за рулём. Как он ловко её похитил, как здорово придумал: Новый год вместе!

– Ой, а подарок маме?

– Приготовил.

– Ой, а я без нарядного платья.

– А то, что на тебе, не нарядное? Ты что переживаешь?!
Ко мне ж домой едешь!

Мама, Татьяна Сергеевна, заплакала, когда увидела их на пороге. Алексей обнял её.

– Мама, знакомься, это – моя Лея! И, если она не переду-

мает, в апреле мы поженимся.

– Она не передумает, даже не надейся... – весело сказала Турава, разряжая излишнюю торжественность Лёхи.

Брат Алексея, Никита, за спиной Леи показал большой палец и прошептал:

– А у неё младшей сестры нет случайно?

За что получил от Алексея подзатыльник.

На телефон Наумова Лея послала смс-ку: "Папуля-мамуля! Поздравляю с наступающим! Встречаю Новый Год с родными Алексея, люблю, целую, Лисёнок".

На следующий день 31 декабря они зашли в ЗАГС и подали заявление. Потом бродили по сказочному, заснеженному Дмитрову.

А дальше был чудесный Новый Год! Вдвоём. В десять вечера, проведив Старый год, мама ушла к соседкам, Никита – в свою компанию. Горели свечи, мерцали огни гирлянд на ёлке, они сидели на диване, обнявшись, и смотрели детские и семейные альбомы Меркуловых.

* * *

Январь и февраль промелькнули незаметно. До конкурса оставалось совсем немного.

Шестого марта Ренат уронил Лею на поддержке, и как итог – растяжение, несильное, но наступать на ногу больно. Врач осмотрел травму, наложил тугую повязку и велел явиться на осмотр не раньше 10 марта.

– Ну, вот, Ренат, поздравил меня с 8 Марта! – огорчилась Турава.

Ренат виновато сопел рядом.

– Ладно, – пожалела она парня. – Я не сержусь, но ты транспортируешь меня до квартиры: я сама не справлюсь.

Ренат просиял. "Туравочка" была не партнёршей – сказкой! Когда он косячил, не взрывалась, как другие балерины, тихо гладила его по предплечью, успокаивая, и говорила:

– Вздохнули... Выдохнули! Улыбнулись! И – по новой!

Ни слова упрёка.

Уже дома, допрыгав до двери и проводив Рената, Лея позвонила Меркулову:

– Лёш! А я ногу свернула...

– Как?!

– Ну, так, растяжение... Уже дома, прыгаю хромоножкой на одной ножке.

– Я – к тебе!

– Как?! Он уже у подъезда.

Она имела в виду охранника, приставленного отцом.

– Можно через балкон, – нашёлся Меркулов.

– Решётки! Отец помнит твой десант в окно больницы...

– Засада... Слушай, какой продуманный у тебя отец! – горько усмехнулся Алексей. – Всё предусмотрел!

– Мы с ним пять минут назад разговаривали. Он мне билет домой, в Самару, на завтрашний утренний рейс купил. Так что сегодня, завтра, 8 Марта я тебя не увижу... – обре-

чѐнно вздохнула грустная Лея.

– Э-эй! Не вздумай хандрить, твой мужчина что-нибудь придумает.

– Меркулов, только без экстрима, ладно?!

– Ну, как придётся. Твой папа не оставляет мне выбора...

– Лёша..

– Да ладно, шучу. Лучше приготовь мне что-нибудь вкусненькое...

– Люблю тебя, – прошептала она.

– Ты мне это потом на ушко шепнёшь, ладно?! – ответил Меркулов и положил трубку.

Минуты три он сидел в глубокой задумчивости, потом позвонил Байеру.

– Привет, Саш!

– А, Ромео! Какая авантюра на этот раз?

– Ты что, ясновидящий?

– Нет, я ясновыслушающий и яснодумающий. Опять принцессу в башне заперли?

– Ага. И дракон сторожит у подъезда... У тебя в скорой кто-нибудь работает?

– Суть уловил, – усмехнулся сообразительный Байер. – Только не надо их дѐргать: они людей спасают. М-м-м, есть у меня девочка знакомая. Патронажной сестрой работает.

– Кем?!

– Ну, служба такая при детских поликлиниках: к грудничкам домой ездит – курирует: как растут-развиваются, как пи-

таются, какой уход за ними. У них и машина есть специальная.

– Байер – ты гений! – воодушевился Меркулов.

– Сначала уговорить надо.

– Ты-то не уговоришь?! Казанова! – хмыкнул Лёха.

Он говорил абсолютную правду. Девушки слетались к Байеру, как мотыльки на огонёк, чувствуя внутреннюю порядочность Сашки. Чуткий и внимательный, он аккуратно выстраивал с девушками отношения: ловко обходил острые углы, ни одну не обижая, мягко уходил от привязанностей. Самые ушлые пытались загнать его в угол, объявляя охоту: куда там! Сашкины знания по психологии делали его изворотливым.

– То есть, Меркулов, мне расплачиваться?! Молодец!!!

– Своди девушку в кафе или ресторан. Я тебе денег дам.

– А, может, ты сводишь?! – поддел Байер.

– Не, у меня Лея... Это ты у нас – свободный художник в свободном полёте.

– Ладно, только из любви к сестрёнке и в честь 8 Марта!

Против своих иду...

– Пфы, если тебя это утешит, мы с Леей заявление в ЗАГС подали! Монтечки с Капулетти соединятся. Дата свадьбы – 14 апреля. Но для всех это пока секрет!

– Ух ты! – только и смог сказать Сашка, отходя после новости. – Ладно, звоню Оксане, надеюсь, Шекспира она чита-

ла...

* * *

Дарико с Сашей были уже на подъезде к дому. В машине была включена громкая связь, и когда Наумову позвонил охранник, его голос зазвучал на весь салон:

– Александр Николаевич! Похоже, этот молодой человек снова проник в квартиру к Вашей дочери. Они провели меня, как пацана, вокруг пальца.

– То есть?! – недоумевал Саша.

– Я дежурил у подъезда, подъехала патронажная машина с красным крестом. Из неё вышли девушка и молодой человек в очках, оба в белых халатах. Молодой врач нёс чемоданчик. Я, естественно, не препятствовал. Через пять минут вышла одна девушка в очках, с чемоданчиком в руках, села в машину и уехала. Её напарник так и не появился. Они с каждым разом всё изобретательнее! Он ведь с МЧС связан? Я не удивлюсь, если в следующий раз он подгонит пожарную машину!

Разливистый хохот Дарико прервал разговор двух мужчин.

– Вот Вам смешно, Александр Николаевич, а мне досадно. Может, ну их, и хватит всем мучиться?!

– Владимир Петрович, завтра Лея летит в Самару, я поговорю с дочерью... Отдыхайте сегодня до утра. Спасибо!

Турава продолжала дико хохотать.

– Потрясающий пацан, я хочу на него посмотреть! Мне нравятся настойчивые мужчины.

– Открой интернет и посмотри: солист группы "Брандспойт" Алексей Меркулов, – мрачно отозвался муж. – Быстро ты забыла ранение дочери. Я защищаю её как могу.

Дарико почувствовала его досаду.

– Останови машину, – попросила она.

– Что?! – не понял он.

– Останови!

Наумов съехал на обочину. Дарико взяла его ладонь и посмотрела прямо в глаза.

– Сашка! Вспомни, какими мы с тобой были, как долго ты меня добивался! Когда я говорила про настойчивых мужчин, я и тебя имела в виду... А теперь посмотри, как я счастлива с тобой! – проникновенно сказала она и нежно погладила мужа по щеке. – Может, у них такой же случай, а, любовь моя?!

– Счастлива, говоришь?..

– Безумно! – подтвердила Дэри.

Её Наумов уже снисходительно улыбался:

– Поехали, заступница!

Утром Наумова разбудил звонком охранник.

– Да, Владимир Петрович.

– Я вчера был прав, этот парень с ней. Он вынес её из подъезда на руках с чемоданом, и сейчас они садятся в такси...

– Всё правильно, – подтвердил сонный Саша. – У неё самолёт, она летит домой. Не полетит же он с ней, в конце концов! Пусть провожает: должна же от него быть хоть какая-то польза!..

* * *

Меркулов посадил Лею в самолёт до Самары, съездил поздравить маму в Дмитров. Потом позвонил своему Лисёнку.

– Как настроение? – услышала она родной голос.

– Да так себе: валяюсь в своей комнате в пижамке на кровати. Куда мне ещё с больной ногой?! Скоро все уйдут на вечеринку: в мамином рекламном агентстве сегодня праздничный корпоратив.

– А кто это "все"? – вдруг спросил Лёха.

– Мама, папа и Елена Николаевна, бабушка Сашки Байера.

– И ты будешь одна?

– Ну да.

– В пижамке?! На кровати?! – мечтательно произнёс он.

– Меркулов!

– А чё, я ничё! Какой у тебя адрес в Самаре? – внезапно спросил он.

"Завтра 8 Марта... Цветы заказать мне хочет", – подумала девушка и продиктовала.

* * *

В седьмом часу родители заглянули в её комнату. Отец в чёрном элегантном костюме, мама в бордовом вечернем платье.

Александр Николаевичу никуда не хотелось ехать, тем более, когда дочка дома. Но оставлять без присмотра жену, чья красота с годами не меркла, а становилась блистательной и утончённой, он не рисковал.

– Ох, какие вы красивые! – не смогла сдержать восхищения Лея.

– Мамочка у нас да... Ослепительна, как всегда! – ревниво заметил Наумов. – Мне кажется, большинство клиентов в городе в её агентстве рекламу заказывают, только чтоб с ней пообщаться. Мужская половина точно.

– Ты сомневаешься в моём профессионализме?! – вспыхнула Дарико.

– Ну, что ты, суло чемо, ваши постеры и флаеры – произведения искусства. Только факты – вещь упрямая. Ваш офис на окраине?

– Да, ты же сам мне его покупал.

– На окраине, а таскаются все к вам, хотя все другие рекламные агентства в центре. Это при нынешнем дефиците времени! И в кризис вы выплыли.

Дарико задумалась.

– Да не огорчайся, я б на месте мужиков-бизнесменов также делал.

– Саш, по-моему, ты меня слегка ревнуешь... – кокетливо поддела мужа Турава.

– Слегка?!! – смеясь, выпалил Саша. – Да я весь вечер буду за кинжал держаться, женщина, пока ты будешь всем мило улыбаться...

– Да? – воскликнула Дарико.

– Да!

Лея с умилением смотрела на них.

– Родители, я вам не мешаю?! – и добавила с иронией. – Конечно, не мешаю.

– Лея, детка, – огорчённо вздохнула Дэри. – Если б ты могла пойти с нами!..

– Мне б пришлось к кинжалу прихватить саблю! – пошутил Саша и поцеловал её в лоб. – А то слишком много уха-жёров.

– И ничего не много: только один, – сказала Лея и покраснела, вспомнив их последнее свидание.

– Кстати, Саш, я таки вчера залезла в интернет и посмотрела на него...

– Дэри!!! – оборвал и строго посмотрела на неё муж. – Мы уже опаздываем.

И уже нежным тоном обратился к дочери:

– Не скучай, радость моя! Завтра я весь день с тобой дома.

И они вышли. Лея осталась одна. Упала на подушки и представила их с Лёшей много лет спустя: будут ли они так любить друг друга, как мама и папа? "Да, конечно, будут! –

ответила она самой себе. – Только детей у них будет больше: Меркулов хочет троих!"

– Лёша, как жаль, что ты в Москве...

Через час он ей позвонил:

– Солнышко моё, ты уже одна?

– Да, Лёш, все уехали – оставили меня.

– Ну, не все... Осторожно спускайся и открывай мне дверь.

– Что?! – вскрикнула она. – Ты приехал в Самару?! Ты сошёл с ума!!!

– Тихо, – рассмеялся он на её бурную реакцию. – Спускайся осторожнее...

Меркулов стоял на пороге с тремя шикарными букетами и сумкой через плечо.

– Лисёнок! А ты и правда в пижамке: не обманула! – с улыбкой произнёс он. – Такая трогательная...

Алексей поднял её на руках на второй этаж, потом вернулся за сумкой и букетами.

– А почему три букета?

– Так в доме три женщины: ещё мама и бабушка – я ничего не напутал?

– Нет, моё сокровище... – обнимала она Меркулова. – Как же я тебе рада!

Она показала ему дом. На первом этаже были гостиная, кухня, кабинет Александра Николаевича, их супружеская

спальня, библиотека, небольшая комната с тренажёрами: домашний мини-спортзал. На втором этаже – комнаты Дарико, Леи, Саши, Елены Николаевны, комнаты для гостей, гардеробная жены. Всё было без "наворотов": со вкусом, просто и уютно.

– Молодец, Александр Николаевич! Основательный мужик!

При упоминании об отце Лея похолодела: их противостояние с Лёшей терзало её, только она не подавала виду. Меркулов понял.

– Переживаешь, что отец огорчится?

Лея покачала головой – нет.

– За меня, что ли, беспокоишься? – хохотнул он.

– Конечно! – воскликнула Лея, голос её дрожал.

– И что он мне сделает? Ну выгонит! Так мне не привыкать... Функция у него такая: проверять на вшивость будущего зятя. Традиция! Я на него не в обиде. Что он, дурак, такую дочку первому встречному отдавать?! Не переживай!

Лея улыбнулась: с Алексеем ей было просто и спокойно.

– Пойдём, угощу тебя маминой стряпнёй. Пара часов у нас есть.

– Нет, я намерен остаться с тобой до завтрашнего вечера или дольше – как повезёт, обратного билета у меня пока нет.

Турава распахнула глаза и смотрела на него с суеверным ужасом:

– Ты самоубийца, Меркулов?! Отец вернётся к часу ночи!

– Так он же обитает на первом этаже, а мы – на втором. Мы же не будем шуметь, а, любовь моя?! Придётся посдержаннее... Или моя Капулетти против?

Вместо ответа Лея покраснела и закусила губу.

– Ответ утвердительный, и он принят. А то, ишь, чего придумали: 8 Марта – и без меня!

Турава покормила Алексея, показала санузел на втором этаже, завела его к себе и закрыла комнату на ключ.

– Что делать будем?

– Тащи фотографии. Историю семьи Монтекки мы изучили в Новый год: буду с историей твоей семьи знакомиться!

– Они в гостиной, в шкафу, на верхней полке. Справишься?

– Один?! Нет! – сказал Меркулов, поднимая любимую хромоножку на руки. – Поехали!..

Потом они застелили кровать покрывалом, забрались на него и, свалив стопку альбомов рядом, стали разглядывать старые фотографии.

* * *

Алексей листал альбом очень внимательно.

– Ну-ка, ну-ка... Это что, свадебная?

– Да, – с удовольствием произнесла Лея. – Расписались они здесь, в Самаре, а венчались – в Грузии, в Казбеги. И свадьбы было две.

Меркулов достал фотографию из альбома, чтобы разгля-

деть поближе.

– С ума сойти, какая красивая пара! – восхитился он. – И мама твоя в этом платье... Глаз не оторвать! Грузинская княжна! Не удивлюсь, если платье передаётся в роду как реликвия...

– Нет, – заулыбалась Лея. – Платье шилось в Самаре. И с ним связана прелюбопытнейшая история...

* * *

Салон модельера Елены Илецкой пустовал. Сама хозяйка с новой коллекцией и девчонками-моделями ещё вчера отбыла в столицу на неделю высокой моды, оставив ключи дочкам своей старинной подруги. И сейчас в салоне хозяйничали Валерия и Олеся.

Отшитое по Лериным эскизам свадебное платье Дарико висело на вешалке. Опаздывая на самолёт, Илецкая попросила девочек зайти и примерить платье без неё. Вкусу Валерии Байер она доверяла. И сейчас все трое молча сидели и благоговейно пялились на шедевр. Роскошное, строго-элегантное, расшитое серебром, с двойными гипюровыми рукавами платье передавало всю прелесть национального грузинского костюма!

Первой отошла и заговорила Дарико:

– Лер! Оно лучше, чем мы придумали... Видела бы сейчас моя бабушка!

Валерия деловито подседа поближе и рассматривала узоры из серебра. Олеся радовалась как ребёнок:

—Что коллекция?! Надо было его в Москву везти! Жених-то оценит?

Дарико вспыхнула румянцем, вспоминая жаркие Сашкины глаза.

— Я думаю, да...

— Хм! — удовлетворённо хмыкнула Лера. — Да, Наумов в обмороке будет лежать, равно как и остальные мужики! Давай надевай!

Дарико осторожно надела платье. Вздох разочарования вырвался у всех троих: платье, увы, висело, а не облегло её фигурку. Сестры Назаровы переглянулись: "Откармливать. Причём, срочно!"

За последние две недели Дарико и правда сильно похудела. Переживала за Сашу. Его не выпускали из больницы врачи: рёбра и рука срастались хорошо — подводила нога! А у Наумова было столько дел! Был бы рядом Дэн!.. Но его в приказном порядке отправили от консерватории на прослушивание в Москву, а оттуда планировали от России послать на международный конкурс на выбор: в Будапешт или Тбилиси.

Единственный выход — пригласить в палату нотариуса и написать доверенность на право подписи и ведения Дарико всех Сашкиных дел. Так они и сделали. И теперь Тураве приходилось вести переговоры с поставщиками, клиентами, ездить с отчётами бухгалтерии по налоговым и прочим учреждениям.

Возвращалась к Саше в больницу и падала от усталости к нему на кровать под завистливые взгляды соседей по палате: Наумова давно перевели в общую. И ей было откровенно плевать, что о ней подумают больные или медсёстры.

Она, прижавшись, замирала на его плече и растворялась в нём, Сашке. Ощущала, как его энергия наполняет её, прогоняя усталость. Он брал её ладонь в свою, сплетаясь пальцами. Горестно вздохнув, молча целовал в волосы.

Отдышавшись, можно было ехать домой готовить ужин или дальше по делам. Надо ли говорить, что о еде она за целый день могла и не вспомнить...

– Что, всё настолько плохо?! – упавшим голосом спросила Дарико, пытаясь увидеть себя в зеркале со спины.

– Не переживай. Оно будет смотреться, вернись просто в свой размер! Вот смотри на Олесю! Вы с ней одного роста. Её фигура – прямо как твоя зимой, очень похожи. Давай она померяет, а ты посмотришь со стороны.

Девушки скрылись в примерочной. Вернулись быстро. Олеська пританцовывала.

– Моё свадебное платье гораздо проще было... – любовалась она своим отражением.

Платье удивительно подчёркивало её фигуру.

– Моё тоже, – вздохнула Лера, вспоминая взятое напрокат платье, а также белые джинсы и белую куртку на пикнике.

Дарико уже улыбалась, заправляя волосы Олеси под фату.

– Каких-нибудь пять килограмм, и я тоже буду красотка!

Внизу хлопнула дверь, кто-то стал подниматься вверх по лестнице.

– Олесь, ты дверь закрыла? – спросила Валерия, поправляя пояс на платье.

– Нет, табличку повесила "закрыто", чтобы клиенты не беспокоили. Я Серёжу жду. Он обещал за мной заехать. Наверное, это он.

Но это бы не Сергей. Зашли пятеро мужчин, спокойно и деловито проверили все помещения. Затем, не обнаружив никого, кроме трёх девушек, оттеснили Леру и Дарико в угол. Один, очевидно главный, подошёл к Олесе и сказал ей что-то по-грузински. Мужчина покрепче подхватил невесту на руки, и все пятеро покинули салон.

На пороге главный обернулся и с акцентом сказал онемевшим Дарико с Валерией:

– Нэ бойтесь, красавицы, с Дарико всё будет хорошо. Родители и жених соберут выкуп, и свадьба состоится. Это просто обычай. Красивый восточный обычай.

Первой нашлась Турава. Она подлетела к сумочке, достала сотовый телефон.

– Товарищ подполковник, Андрей Николаевич, это Дарико. Кажется, у нас проблема – человека похитили...

* * *

Опергруппа приехала минут через десять. Подполковник

Чижев – через полчаса.

– Турава, когда ты, наконец, выйдешь замуж и угомонишься? – начал он вместо приветствия.

– Так не дают, Андрей Николаевич, замуж выйти! Невесту украли. Думали, это я в свадебном платье стою, – оправдывалась Дарико.

С появлением Чижева Дэри успокоилась. И они, не пропуская подробностей, под запись рассказали о происшествии.

– Кто будет заявление подавать?

– Могу я, – предложила Лера. – Олеся Майорова – моя сестра.

– Лучше пусть супруг. Он – в курсе?

Дэри и Валерия переглянулись: Сергей вот-вот должен был подъехать.

– Дарико, ты поняла, что сказал похититель девушке?

– Да. Было плохо слышно, но суть я уловила. "Мы от Зураба. Пусть жених готовит выкуп. Скоро ему позвонят. Вторую часть выкупа дадут твои родители. Бояться не нужно. С тобой ничего плохого не случится. Слово джигита".

– Бедная Олеська, она ни слова не знает по-грузински! У неё, наверное, паника.

Когда Сергей приехал за женой, он застал в салоне мужчин в погонах, растерянную Валерию и Дарико с виноватыми глазами. Новость его огорошила.

– Сереж, постарайся не паниковать... Олесю украли, слу-

чайно, – вывалила она на Сережу неприятную весть и тихо добавила. – На ее месте должна быть я. Нужно подать заявление, чтобы официально начать поиски.

* * *

Олеся уже справилась с шоком: в конце концов, она была адвокатом, и её захват был теоретически возможен, если бы она расследовала каверзное дело и на нее хотели бы оказать давление. «Отнесись к этой нелепой случайности как к тренировке!» – говорила она самой себе.

То, что её спутали с Туравой, она поняла из обращения. Похитители упорно называли её "Дарико" и обращались на грузинском. Сначала она пыталась их переубедить, потом поняла, что бесполезно: они не понимали её язык, а единственный похититель, говорящий по-русски, куда-то исчез.

Мужчин осталось трое: один вёл машину, второй сидел с ним рядом, третий охранял её на заднем сидении. "Волга" уже часа четыре тряслась по сельской местности: мелькали сенокосы, мелкие речушки, небольшие посёлочки. Наконец, они завернули в почти нежилую деревушку с покосившимися старыми домиками.

Олесю выпустили из машины, и она потянула носом. Запах был чудесный: пахло сеном, цветами, коровами и ещё чем-то сладким. Дышалось удивительно легко. Страха не было – было только беспокойство за мужа. Сергей всегда очень за неё волновался. Из дома вышла старая женщина с харак-

терной восточной внешностью и что-то спросила у Олеси.

– Я не понимаю, – ответила та и стала оглядываться в поисках туалета.

Наконец, она обнаружила деревянное строение у дома и двинулась к нему. Дорогу ей перегородил один из охранников и залопотал на своем наречии.

– И что, мне теперь и в туалет нельзя?! – с вызовом произнесла она и махнула рукой в сторону деревянной кабинки.

Охранник, наконец, понял и дал ей пройти. Потом старая женщина, которую похитители звали Наной, жестом пригласила её в дом. Обстановка в домике была очень даже уютная: беленая известью печь, чистые занавески, пестрые полосатые половики, большая кровать с горкой подушек разного калибра, стол с кружевной скатертью. Словом, милая деревенская обстановка, как в музее русского быта.

Олеся раздвинула занавеску и увидела, как уехала машина, оставив после себя клубы пыли. Пройдясь по комнатухе, подошла к старому, уже потускневшему от времени зеркалу и взгляделась в своё отражение.

На неё смотрела бледная красотка с большими испуганными глазами в злополучном роскошном подвенечном платье. "Кому рассказать – не поверят!" – грустно усмехнулась Олеся своему отражению и повернулась. За ней стояла Нана и протягивала простое ситцевое платье.

Когда девушка переделалась и отдала хозяйке свадебное платье Дарико, та с величайшей осторожностью приняла его,

благоговейно прикоснулась к серебряной вышивке и, улыбнувшись, сказала: "Ламазо..." Потом посмотрела на растерянное лицо Олеси и добавила: "Карасиво!"

От еды пленница отказалась, выпила только молоко, скинула туфли и прилегла на лоскутное покрывало. Кровать оказалось удивительно мягкой, Олеся свернулась калачиком, с тоской подумала о муже, вздохнула и закрыла глаза, чувствуя себя уставшей и разбитой. Когда Нана вернулась в дом с тарелкой, полной спелой малины, девушка уже спала.

* * *

Сашки в палате не было. Соседи оживились, заулыбались и сообщили, что её жениха забрали на процедуры. Она кивнула, поблагодарив, отказалась от настойчивых приглашений подождать Наумова в палате и вышла в коридор.

Минут через пять с ней поравнялся лечащий врач Александра и, узнав её, воскликнул:

– А! Турава! Можешь не прятаться за фикус, я тебя уже заметил. Ну, здравствуй, красавица! Выписываю я твоего гонщика через два дня. Дома будет долечиваться. Ты уж последи за ним, пожалуйста, чтоб не скакал, а потихоньку расхаживался. А то знаю я этих спортсменов!..

– Конечно, прослежу, спасибо! – улыбалась она счастливой улыбкой.

– Ладно-ладно, – проворчал доктор. – Свадьба-то скоро? А то парень дёргается, переживает.

– В августе планировали, но вот как нога... – вздохнула Дэри, опустив глаза.

– А что нога?! Он и на одной ноге в ЗАГС доскачет ради такой красавицы, – рассмеялся доктор. – Хорошие вы ребята и красивая пара! Да обойдёт вас людская зависть... Ладно, пора мне. А ты жди, скоро его отпустят из процедурной.

И врач пошёл дальше по коридору. Через две минуты и правда показался прихрамывающий Саня, опираясь на палку Дэна: сгодились-таки.

– Сашка! – бросилась Дарико к нему и прильнула губами к небритой щеке.

– Дэри! – охнул от неожиданности Саша, прижимая её к себе. – Я ждал тебя позже, даже побриться не успел, колючий, наверное...

Он наслаждался её запахом и нежной кожей, улыбался и, не отрываясь, смотрел в любимые глаза.

– Я соскучился! И у меня хорошая новость: меня выписывают, буду долечиваться дома! Дома!!! Потерпишь два дня, радость моя?

Дэри вдруг замаялась, слегка отстранилась, положив руки ему на плечи.

– Саш, это всё здорово, но мне нужно лететь в Грузию, и сегодня вечером самолёт...

Дарико почувствовала, как Наумов напрягся, заметила, как потух его взгляд. Он пытался не показывать виду, что творится в его душе, отвёл взгляд, но её накрыло Сашкиным

отчаянием и болью.

– Понятно... – с трудом выдавил он.

И вдруг до неё дошло, что он мог подумать... Турава обхватила его лицо руками, в порыве нежности стала целовать стиснутые, напряжённые губы, глаза, приговаривая:

– Дурачок! Как же ты мог подумать?! Ну, куда я от тебя денусь?! Я ж люблю тебя до безумия, я же замуж за тебя собралась, Наумов! Ой, всё..!

Сердце его бешено колотилось: сейчас она возвращала его к жизни, вытаскивала из пропасти, куда он несколько секунд назад сорвался.

– Тогда... Тогда зачем ты летишь в Грузию? – допытывался он.

– Потому что меня... – она вдруг смущённо улыбнулась и призналась. – Меня похитили!

Сказав это, она потащила Наумова к скамейке, потому что рассказ намечался долгий. Там, поначалу сбитый с толку, Саша узнал, что Сергей написал заявление о похищении жены, и контора Чинова два дня вела поиски в городе и его окрестностях.

Но поиски результатов не дали. Что похитители, наверняка, залегли на дно и координируются Зурабом из Грузии. Потому как, во-первых, он улетел обратно с братьями Дарико и больше в Россию не возвращался, а во-вторых, он бы точно не перепутал невесту с подругой. И главное: по заданию Чинова Дарико летит выяснить мотив обычно трусоватого

Зураба и попытается найти его самого через его родных.

– Кстати, Байер летит со мной, – в довершение рассказа выдала Дэри.

– Дэн?! – удивился Саша. – Он в курсе?

– Конечно. Как узнал, сказал, что полетит со мной, чтобы тебе было спокойнее. Да и Олеся ему не чужая! Ну и параллельно примет участие в Международном музыкальном конкурсе, который в этих числах будет проходить в Тбилиси. Так что всё складывается пока на редкость удачно.

– Вот засада с этой ногой! Я, понимаешь?! Я должен лететь с тобой!!! Опять Дэн решает мои проблемы...

– Мы вместе полетим, чуть позже, любимый! В Грузии у нас будет венчание.

– Венчание?! – искренне удивился Наумов.

– Ты забыл, что я грузинка?! Для нас главное – не закрючку в ЗАГСе поставить. Главное – перед Богом стать мужем и женой, и это – на всю жизнь. Мы, в Грузии, не разводимся, Саш, и не уходим из семьи. Подумай – есть ещё время соскочить!..

Саша нежно обнял свою Тураву.

– И не мечтай, женщина!

Дарико наградила Наумова одним из своих самых обволакивающих взглядов и лукаво заметила:

– Да, и ещё... На время моего путешествия ты живёшь у Байеров, это уже решено всеми нами: Дэном, Валерией,

Еленой Николаевной. И это не обсуждается! Мне так будет спокойнее...

Сашка во все глаза смотрел на Дарико. Через полчаса она уже уходила из больницы, унося с собой запах его парфюма, ощущения тёплых губ до мурашек! И щемящий сердце взгляд грустных карих глаз...

– Ну, Зураб! Ты ответишь за своё вероломство! За Олеськины слёзы ответишь, за нервы Серёги Майорова и отдельно – за Наумова! За то, что мне пришлось его покинуть, когда он так во мне нуждается!

* * *

В Московском аэропорту Байер заметил Дарико сразу. В зале ожидания, переложив портплед и инструмент в чехле в одну руку, свободной рукой сгрёб её в охапку.

– Ну, привет, что ли!

И Турава не сдержалась: заплакала.

– Ты чего, Дэри?! Что-то с Сашей? – забеспокоился Байер.

– Нет, выписывают домой послезавтра. Просто... плохо ему, Дэн!! Не привык он быть немощным. Нога ещё беспокоит, ноет. Хромота эта... Он, конечно, держится, вида не подаёт. Но я-то всё чувствую!!! Когда про Грузию сказала, он так на меня посмотрел! Решил, что покалеченный, он мне больше не нужен. Ну, это нормально?!

Байер уже улыбался.

– Это нормально! Обычный предсвадебный мандраж: ме-

ня тоже штормило. А что касается травмы..., Наумов – мужик: всё выдержит, не переживай! Он горы свернёт, тем более, что знает: ты теперь с ним. Лучше мне расскажи, какой план действий вы разработали с Чизовым.

Успокоенная, Дарико уже неспешно делилась с Даниилом своими соображениями. В аэропорту Тбилиси их встретил Антон, поцеловал сестрёнку, познакомился с Дэном и наотрез отказался везти его в гостиницу.

– Ты – наш гость! Поселим, примем, как родного! Сделай старикам приятное! Бабушка Софико редко куда выходит, и гость для неё – целое событие! Они на русском прекрасно говорят.

И Дэн согласился. По пути они заехали зарегистрировали Байера как участника Международного музыкального конкурса, написали отказ от гостиницы и поехали к родным Дарико.

Даниил видел, как машина остановилась у двухэтажного дома, на пороге которого стояли пожилая статная женщина в чёрном платье, ещё одна женщина 45 лет в светлой одежде и высокий мужчина лет под 50.

Не успел Антон заглушить двигатель, как Дарико выпорхнула из салона и, воскликнув "бабушка", бросилась обнимать старушку. О чём-то сквозь слёзы говорила на грузинском и уже млела от счастья.

Потом она обняла мужчину и женщину, как понял Байер, своих родителей. Их речь Дэн тоже не понимал, но горячие

объятия, слёзы на глазах говорили о том, как они ей рады и как соскучились по своей дочери. Антон уже выгружал вещи Дэна и сумку Дариго.

– Познакомьтесь, это – лучший друг, а можно сказать, брат моего будущего мужа – Даниил Байер.

Потом она представила маму Этери, бабушку и отца, Георгия Тураву. После обеда отец пригласил Дэна и дочь к себе в кабинет. Дэри опустилась на пол рядом с креслом отца и положила голову ему на колени.

– Отец! Я полюбила мужчину и выхожу за него замуж. Если ты мне запретишь, то разобьёшь моё сердце: я очень люблю его, папа!

– Да, знаю я, знаю. Антон и Илья мне всё рассказали. Они до сих пор под впечатлением: мне не терпится взглянуть на твоего Наумова! Сейчас-то почему он не приехал?

Турава сразу погрузилась, поднялась с пола, села подле отца и тихо ответила:

– Он сейчас в больнице, ты его на венчании увидишь.

– В больнице?!

– Он на мотоцикле разбился.

– Сашка из-за меня разбился, – вступил в разговор Даниил. – Машину повредили, чтобы моя жена в аварии погибла, а сел он, когда за Дариго в аэропорт помчался. И этим спас мою жену. Падать-то нас учили... Как представляю, что на его месте могла быть Лера!.. Сын бы без матери остался, а я – без жены!

Дарико достала из сумочки фотографию улыбающегося Саши на мотоцикле и, протянув отцу, сказала:

– Вот... Моя любимая!

Отец взял фотографию, посмотрел, одобрительно покивал головой и вернул.

– Да, выбрала, губа не дура! Зураб ни в какое сравнение не идёт... Кстати, он вчера звонил мне, нёс какую-то чушь, что, мол, он тебя похитил, и требовал денег. Я послал его куда подальше.

– Вот за этим я и приехала, папа. Зураб узнал о моей свадьбе, его люди выследили меня. Только в одном прокололись: в свадебном платье стояла не я, его примеряла другая девушка.

И Дарико рассказала историю в подробностях, после чего Дэн в задумчивости произнёс:

– И теперь они прячут где-то сестру моей жены, а мы приехали найти Зураба. Вернее, искать будет Дэри, а я, вместо Наумова, её охранять. И, между делом, участвовать в музыкальном конкурсе, иначе меня из Москвы бы не выпустили...

– Мда... Ну, дела! – хмуро отозвался молчащий до сих пор Георгий Турава. – Не ожидал я от трусоватого Зураба такой прыти. С чего бы такая активность? Не похоже на него...

– Я тоже удивилась, – согласилась Дарико. – Пап, а где родные его живут? Куда ты хотел меня замуж сплавить?

Вопрос дочери явно застал Георгия врасплох, он сму-

тился:

– Я был не прав с Зурабом, дочка! Прости меня и забудь ту историю.

– Уже простила. И всё-таки, где их искать?

– У него сестра и бабушка в селе Грели около Ахалцихе, родители рано погибли, бабушка их с сестрой воспитала.

– Ого, ближний свет! – не сдержалась Турава. – Представляешь, Дэн, если бы я тогда не взбрыкнула, то сейчас бы кормила кур в селе, копалась в огороде и рожала Зурабу детишек, бррр! И никогда бы не встретила Наумова...

После семейного совета было решено, что завтра Дэн остаётся представлять Россию на музыкальном конкурсе в Тбилиси, а Дарико без него, чтобы не тратить время зря, отправится в Ахалцихе с Ильёй и Антоном.

* * *

Они выехали утром. Дарико молчала, наблюдая сменяющие друг друга колоритные пейзажи, мысли ее были далеко. Она помнила, что сегодня Саша должен выйти из больницы. И хотя он пообещал ей остаться у Байеров, её волновало: не передумает ли Наумов из-за своей деликатности и хватит ли у Валерии упрямства справиться с ним и настоять.

Ещё она переживала, хорошо ли обращаются с Олесей и сильно ли она нервничает? И хотя Дэри и не была виновата, её мучили угрызения совести. После, уставшая от своих мыслей, она попросту заснула и проснулась, когда машина

уже въезжала в Ахалцихе. Проехав город, Антон взял влево на дорогу до Грели.

Селение удивило Дарико скромными домишками и неухоженными тощими коровами, слоняющимися по селению без пастуха. Складывалось впечатление, что они бесхозные или одичали. Илья спросил у старика с котомкой, где дом Зураба Чаидзе, и тот махнул на небольшой домик в конце улицы. Из печи шёл дым, а значит, хозяева были дома.

К огромному сожалению, самого Зураба не было, старая бабка копошилась у печи, а на кровати лежала бледная, худая девушка. На заострённом лице выделялись с тёмными кругами большие грустные глаза. То, что девушка болеет, было видно невооружённым глазом.

– Простите нас за вторжение, как бы Зураба повидать, – вежливо обратилась Дарико к старой женщине.

На что старушка ответила, что Зураба нет, что пытается заработать денег, ибо он – единственный кормилец в семье, а без лекарств Лали не протянет.

– А что с девушкой? – спросил Антон тихо, чтобы больная не слышала.

– Я не сильна в медицине, лучше Зураба спросите: что-то с печенью, не рак, но какие-то опухоли там. Врачи операцию говорят делать, ну а где нам столько денег взять?! На лекарства и то не хватает.

И старушка тихо заплакала. Дарико поняла всё – мотив был налицо: Зураб от отчаяния решился похитить быв-

шую невесту и шантажировать её состоятельных родных. Не очень умно, но понять его можно. И тут Тураву осенило: она отвела в сторонку братьев и что-то стала им говорить.

– Дэри, ну ты просто умница! – восхитился Антон. – С бабушкой только нужно уладить.

Турава посадила старую женщину возле себя и начала беседу.

– Я – бывшая невеста Зураба, дочь Георгия Туравы. Лали нужно отвезти в больницу в Тбилиси, в Ахалцихе ей не помогут. Ну и операцию надо, иначе девочку не спасти, будем собирать деньги. Вы не против отпустить внучку с нами? Мы на машине. Только нужно собрать все документы, обычные и медицинские, и одежду Лали.

Старая женщина задумалась.

– Бабушку твою Софиико хорошо знала, ты на неё похожа и лицом, и характером. Если поможешь, век за тебя молиться буду!

– Я постараюсь.

Через час с узелком старушка провожала неожиданных гостей. Антон держал на руках больную, Илья открывал дверцу машины.

– Жду Зураба как можно скорее вот по этому адресу, наверняка нужно будет согласие родственника в больнице, передайте, пусть поторопится, – сказала Дэри и незаметно сунула в руку старушке записку для Зураба.

Потом старая грузинка обняла всех по очереди и послед-

ней поцеловала внуку.

– Жду здоровой домой! Да хранит тебя святая Нино, моя Лали!

Бабушка Софико всплеснула руками, увидев, кого привезли её внуки.

– В больницу, срочно! Довели девочку! Ой-ой-ой!

В клинике Лали сделали все анализы и отпустили домой, пока результаты анализов будут готовиться. Вечером в доме Георгия Туравы нарисовался Зураб. Он влетел в гостиную, когда вся семья и Дэн ужинали, с криком:

– Где моя сестра?!

И остолбенел, увидев Дарико. Глаза его вышли из орбит, он хватал воздух, не в силах вымолвить ни звука.

– Ну, здравствуй, Зураб! Я тут к папе с мамой в гости приехала, свадьбу готовим, – как можно беззаботнее произнесла она, улыбаясь очаровательной улыбкой.

– Ты... ты... здесь?! – стал заикаться он, внезапно побелев. – А там тогда кто?

Дарико больше не стала мучить бедолагу и призналась:

– А "там" вот уже неделю ты укрываешь жену Сергея Майорова, сына директора крупнейшей торговой корпорации России. Ты самоубийца, Зураб?!

Он пытался переварить информацию, но это плохо у него получалось.

– Мы думали, она притворяется, что не знает грузинского,

играет с нами...

– Доигрались! На тебя уголовное дело завели, Зураб, – похищение человека. Быстро говори, где вы её держите!

Он опустил на пол и закрыл лицо руками.

– Адрес, Зураб, и телефон для связи! Там её муж с ума сходит...

– Заброшенная деревушка Свичиновка близ села Раевка, что на берегу реки Малый Иргиз в Саратовской области. Девушка ни в чём не нуждается, только приболела. Меня... меня посадят?

Но Дэри уже не слушала, она звонила Чижову и диктовала адрес.

* * *

Олеся проснулась оттого, что её мутило. Она быстро выбежала в сени, не найдя ни таза, ни ведра, ринулась дальше во двор. Там её уже поджидала "доблестная охрана". Мужичок постарше перегородил ей дорогу, мужик помоложе, лет 30 возразил ему и показал на деревянный туалет.

Но Олеся смотрела совсем в другую сторону: у забора стояла деревянная лоханка, и девушка помчалась к ней. Приткий мужичок опередил её, поймал за плечи. Ой зря!.. Сил сдерживаться не было, и Олесю стошнило прямо на небритого "секьюрити".

Тот закричал и замахал руками, очевидно, ругаясь. Его молодой подельник тоже что-то кричал ему и указывал на

девушку, которая добралась-таки до возжеленной лоханки и ещё раз повторила свой "подвиг", теперь уже прицельно в неё.

Потом она села на траву и прислушалась к себе. "Да, не выдержал организм натурального коровьего молока, – с досадой подумала она. – Надо будет разбавить!" А к ней из дома уже бежала обеспокоенная Нана.

За этот день Олесю полоскало ещё пару раз. Пожевала только хлеба, который испекла в печи заботливая женщина, что ходила за Олесей, как за малым ребёнком: уложила в постель, принесла прохладный компресс на лоб, согрела воды и отвела девушку помыться. Она тихо гладила обессиленную "арестантку" по волосам и успокаивала на своём певучем языке.

На второй день повторилось всё то же самое: заветная лоханка теперь стояла у самой Олесиной кровати. Девушка видела, как сильно обеспокоены охранники и её добрый ангел Нана, как долго они что-то решали. Олеся смогла лишь разобрать имена: "Зураб", "Турава", "Георги". Потом Нана накинула шаль и куда-то вышла из дому. Вернулась через час с какой-то седовласой женщиной в длинной тёмной юбке с оборкой и белой блузке.

– Где больная? – спросила она с порога.

– Я здесь, – отозвалась Олеся слабым голосом. – Ну, хоть кто-то говорит по-русски!

– Меня зовут Мария, я медсестрой работала, сейчас лю-

дям помогаю, кто просит.

Она деловито осмотрела девушку, бережно прощупала ей живот, затем положила руку на низ живота и замерла с отстранённым взглядом.

Потом улыбнулась и спросила:

– Ты замужем?

– Да, а почему вы спрашиваете?

– Не хворь это у тебя, милая – ребёночка под сердцем носишь. И мальчик у тебя будет.

Счастливая, Олеська в порыве села на кровати, раскрыв рот от изумления. Подарить Серёге Майорову малыша было тайное страстное желание её уже давно.

– Тише-тише! Плавнее сейчас надо двигаться, привыкай: не одна уже – двое вас.

– А как вы узнали? – спросила девушка, с нежностью поглаживая живот.

– Много на это указывает. Ты вспомни, какие тебе сны в последнее время снились.

Олеся напрягла лоб, припоминая, и сказала:

– Дома ещё снилась мне прозрачная вода, будто я в ней купаюсь. Ещё проснувшись, подумала, что мужа надо на море вытащить – отдохнуть после работы в Москве. А здесь мне снилась речка мелкая, камешки, песок на дне, и плавает большая серебристая рыба, прямо рядом с моей рукой плавает, не боится.

– Ну, я ж говорю, пацан будет! Потерпи, я тебе отвар сде-

лаю, тошнить поменьше станет. И кушать надо хорошо! Слышишь?

Олеся вздохнула: за два дня она почти ничего не съела.

После отвара Марии Олесе и правда стало лучше. Перед тем как уйти, каким-то образом лекарка объяснила Нане про "интересную болезнь" затворницы. Та всплеснула руками и бросилась к охранникам – радовать.

Слов нет, как обрадовались мужики! Молодой кричал на второго, в летах, и совал ему под нос телефон. Тот, в свою очередь, – на молодого. Имя Зураба сопровождалось размахиванием кулаками и жестами отчаяния, когда они периодически хватались руками за головы.

Наблюдавшей за мужской истерикой Олесе стало даже жаль своих сторожей. Когда она появилась на крыльце и гордо прошествовала к деревянному строению, они замолчали и хмуро расступились, давая ей дорогу.

Прошло два дня. Олеся пребывала в блаженстве, всё поменялось: теперь это нелепое похищение казалось ей чудесной возможностью вдали от суеты остаться наедине со своими мыслями. Зброшенная деревушка – райским уголком и чуть ли не курортом.

Она сидела на лавочке у клумбы с незатейливыми цветами, нежилась на августовском солнышке и перебирала в уме мужские имена. "Как же назвать сына? Кириллом? Вадимом? Иваном? А может, Ильёй?" Но мысль снова и сно-

ва возвращала её к имени мужа: Сергей. И она поняла, что лучшего имени ей не найти. "А что, Сергей Сергеевич будет звучать ничуть не хуже, чем, скажем, Сан Саныч или Иван Иванович!" И она решила звать пока малыша так, а потом спросить мнение мужа.

Вдруг в животе заурчало: Сергей Сергеевич явно хотел есть. Будущая мать зашла в дом и жестом показала на тарелку. Нана обрадовалась и достала из печи пирог с яблоками. Но Олеся не хотела пирог. Курицу – вот что просил её "мужичок". И куры были, три или четыре: бегали по двору, в панике разбегаясь от проходящих мимо людей.

Олеся взяла за руку хозяйку, вывела её во двор и указала на курицу. Нана улыбнулась, что-то сказала мужчинам, и охота началась.

Надо сказать, у курицы были явно навыки бойца спецназа: она ловко уворачивалась от хищных рук, перепархивала, выскакивала в последний момент у них из-под ног, словом, оказалась весьма хитрой и выносливой бестией. Охотники уже взмокли и тяжело дышали. Тот, что постарше, сдался: бросил погоню и сел на длинное бревно у забора. Молодой поменял тактику и подманивал строптивицу к себе. Пеструха наклонила гребень вбок, подозрительно на него посмотрела и снова ударилась в бег. Молодой от досады только сплюнул.

Олеся ушла в сени, беглым взглядом окинула предме-

ты в углу: сапоги, удочку, вилы, – словно ища что-то. Потом дотянулась до бруска для заточки косы и взяла его. Брусок был довольно увесистый. Спрятав его за спину, она вышла из сеней обратно во двор. Охранники сидели на скамейке и курили – непобеждённая "спецназовка" гордо вышагивала по двору. Словно издеваясь, осмелевшая птица забралась на бревно, на другом конце которого сидели мужики.

Ещё будучи студенткой юрфака, Олеся посещала обязательные занятия по стрельбе из пистолета: умела задерживать дыхание, выжидать момент для спуска курка, сосредотачиваться на цели. Сейчас ею овладел древний инстинкт добытчицы. Её ребёнок требовал еды, а еда сопротивлялась...

У мужчин вытянулись лица, когда хрупкая шатенка достала из-за спины брусок и прицелилась. Глаза, как у снайпера, определили расстояние, рука плавно и незаметно заняла свою позицию. Олеся задержала дыхание и сосредоточилась на броске. Секунда, и оглушённая курица свалилась с бревна, задрав ноги кверху. Девушка моментом подскочила, ухватила птицу за горло и, довольная собой, понесла добычу на вытянутой руке в дом. Охранники молча, в оцепенении, сидели ещё минут пять...

Такого вкусного супа она ещё не ела. Мясо они разделили с Наной: неудачливым охотникам достался только суп и вчерашний пирог.

* * *

Ночью ей опять снилась рыба. И не одна: рыбины стояли косяком в неподвижной воде и шевелили плавниками. Такие большие! Такие аппетитные!.. Олеся откинула простыню и на цыпочках скользнула в сени. Вчера она мельком видела в углу удочку, она решила проверить: не показалось ли... Удочка была на месте!

Когда забрезжил рассвет, девушка оделась, вышла во двор. На огороде палкой наковыряла червей, брезгливо морщась, поместила их в банку, забрала из сеней удочку, взяла ведро, сапоги и вышла за калитку.

Исчезновение затворницы обнаружили не сразу. Нана думала, что девушка во дворе, а охрана – что она в доме. Когда заботливая женщина вышла во двор и позвала к завтраку, Олеся не отозвалась. Ругаясь, мужчины обшарили всю деревушку, вернулись ни с чем и накинулись на хозяйку. Нана только плакала и разводила руками.

Дальше для охранников и вовсе начался кошмар: к одиннадцати часам к домику подлетели серый фольксваген и милицейский уазик с тремя бойцами ОМОНа.

Молодой мужчина из фольксвагена сразу бросился в дом, выбежал бледный и закричал:

– Андрей Николаевич! Её там нет!

Мужчин грузин обыскали, поставили под дуло автомата. Заговорили через переводчика.

– Где девушка? – тоном, не предвещавшим ничего хоро-

шего, обратился к грузинам Чижов.

– Она от нас сбежала, – через переводчика признались те. – Утром её уже не было. Да спросите у Наны, она с ней в доме жила.

– Тимур, переведи им. Зураб сказал, что девушка болела. Может вы того?.. Решили от неё избавиться? – продолжал допрос подполковник.

Майоров в диком напряжении смотрел то на охранников, то на Чижова, моля Бога, чтобы тот ошибался.

– Ага, как же, она сама от кого хочешь избавится: вон вчера как курицу зашибла, с одного удара! – чуть слышно буркнул себе под нос грузин помоложе и уже громко сказал. – Нэт, мы её пальцем не трогали, мамой клянусь! Охранять охраняли, для её безопасности, но чтобы на женщину руку поднять!..

Услышав слова начальника, с крыльца уже спускалась Нана:

– Не болела девочка, плохо ей было два дня, не скрою. Но по другой причине: сына она ждёт, ребёночек у ней будет...

Сергей подошёл к женщине, заглянув ей в лицо, понял, что она говорит что-то важное, и попросил:

– Переведите мне, пожалуйста, что она сейчас сказала.

Ему перевели. Сергей несколько секунд стоял неподвижно, потом забросил руки за голову, сделал несколько шагов по двору в радостном смятении.

– Андрей Николаевич, это может быть правдой? – спросил

он, и голос его дрожал.

Чижев улыбался, улыбались и парни в масках, и переводчик.

– Непохоже, чтобы они все ввали, эти тоже подтвержда-
ют, – заверил подполковник. – Неожиданно! Ну что, по-
здравляю, осталось за малым – выносить и родить. Надо Оле-
сю найти. Какое рядом село?

Арестованных оставили на попечение ОМОНа, Чижев
и Майоров сели в машину и спешно отъехали. Обернулись
скоро: Раевка находилась в нескольких верстах, и девушки
там не было.

Они заглушили мотор и минуты три сидели молча, не гля-
дя друг на друга, каждый думал о своём. И вдруг Сергей под-
нял глаза и увидел вдалеке на дороге знакомый силуэт.

– Олеся?! – прошептал он и уже распахивал дверцу ма-
шины, чтобы рвануть к ней навстречу.

– О-ле-ся!!!

Он плакал и смеялся, обнимая её, посвежевшую, похо-
рошевшую, покрасневшую от удовольствия, пропахшую
рыбой, самую желанную на свете женщину!

* * *

Солнце поднималось всё выше, прогоняя остатки тумана
с реки. Олеся, впервые в жизни державшая в руках удочку,
экспериментировала всю: как могла насаживала на крю-
чок червя, испытывая жалость и вину к "несчастному созда-

нию", и забрасывала леску с крючком в воду. В Малом Иргизе, близ опустевшей деревушки, уже давно не ловили рыбу: некому.

И река была благосклонна к дебютантке. За первые полчаса она уже поймала три крупных рыбыны. Каждую сначала вытаскивала на траву, ждала, покуда рыба успокоится: боялась её судорожного трепыхания. Потом снимала добычу с крючка и бросала в ведро с водой. Вскоре девушка наловчилась, и процесс ускорился.

Чрезвычайно довольная собой, она несла ведро, больше половины наполненное рыбой, и вдруг подумала о Серёже: "Вот, наверное, бы удивился. А может, и гордился бы мной!" И тут она увидела, как он бежит к ней навстречу. От неожиданности она выпустила ведро. Оно приземлилось рядом, плеснув водой. Не в силах стоять на месте, она шагнула к нему навстречу, и через секунды её уже обвивали руки мужа. Сильные, надёжные, самые родные...

Дома она заявила, что пока не поест, никуда не сдвинется с места. Пока они с Наной чистили рыбу, Чижев, который привык оптимизировать работу, включил диктофон. Через час были готовы и наваристая уха, и пироги с рыбой, и показания потерпевшей и свидетеля.

Поели все, включая задержанных. Нану оставили в покое как непричастную к похищению девушки. Мужчин задержали: оба приехали к родным в Россию в поисках работы, и

обоих, ещё в Грузии, уговорил Зураб Чаидзе подзаработать и помочь семьям.

Машины тронулись, Олеся сладко спала, положив голову на колени мужа. На телефон Чижова пошёл вызов. Звонила Дарико из Грузии. Андрей Николаевич остановил машину и вышел. Сергей осторожно переложил голову жены на подушечку и последовал за ним.

Связь на удивление была хорошая, Дарико узнала о предстоящей радости в семье Майоровых, и что Олеся в полном порядке, даже отдохнула за счёт Зураба. Турава, в свою очередь, рассказала грустную историю об истинном мотиве Чаидзе, и что она сейчас занимается поиском денег на операцию его сестре, а Даниил умудрился выиграть Гран-при престижного международного конкурса.

Мужчины вернулись в салон и продолжили путь.

– Андрей Николаевич! – вдруг обратился к подполковнику Сергей. – Я тут подумал, может, мне забрать заявление? Неизвестно, как мы с Вами повели бы себя на месте Зураба. Насколько я понял, сестра – это всё, что у него в жизни есть. И я собираюсь помочь с операцией. Да и отец мой на радостях поможет.

Чижев облегчённо вздохнул и усмехнулся: он сам минуту назад собирался просить Сергея пожалеть недалёкого, но любящего и заботливого грузина.

* * *

Сегодняшний прощальный ужин был дан в честь Даниила Байера, победителя престижного музыкального конкурса. Праздновали в ресторане. У Георгия Туравы не укладывалось в голове: простой на вид парень, его гость, теперь – главная знаменитость Тбилиси! Интервью с ним крутили на всех теле– и радиоканалах.

Дарико сидела рядом со "знаменитостью", переводила поздравительные речи и тосты, поддерживала его, шутила и разряжала излишне помпезную обстановку. Без неё Дэну было бы совсем тошно. Самым большим желанием у него сейчас было слинять с этого званого ужина и пойти бродить по вечернему городу. Дарико это чувствовала, но пока ничего не могла поделать.

– Потерпи ещё немного, я, кажется, кое-что придумала.

В ресторане играла живая музыка, и, видимо, чтобы гостю было приятно, пригласили гитариста с программой, состоящей из западной музыки. Тут же рядом топтался ансамбль с привычным грузинским репертуаром. Дарико подошла к отцу, что-то шепнула ему на ухо, затем приблизилась к парню, мучавшему инструмент, тоже сказала ему пару слов и вернулась к Дэну.

– А сейчас для вас Даниил Байер скажет ответную благодарственную речь, – провозгласила она и подмигнула Дэну, потом едва слышно приказала ему. – Наклонись ко мне и сделай вид, что говоришь, а я как бы буду переводить.

Так они и сделали. Байер говорил ей на ухо всякую ерун-

ду: что мечтает отдохнуть, как нормальный человек, что хочет в душ, что хачапури с сулгуни ему уже поперёк горла, и он бы с удовольствием съел ржаного хлеба с салом. Дарико мило улыбалась как ни в чём не бывало и, делая правильные паузы, торжественно "переводила".

Было видно, как её певучая благозвучная речь очень нравилась гостям. Она говорила, как он тронут их гостеприимством, как ему жаль расставаться с Тбилиси, как высок уровень музыки в их стране. Что он будет приезжать сюда много раз, а сейчас его срочно вызывают организаторы конкурса для подписания важных бумаг. И что на прощание он готов сыграть для них на гитаре. Последние её слова подняли настоящую бурю восторга.

– Чего они так обрадовались? – вздрогнул Байер.

– Радуются, что ты им сейчас на гитаре сыграешь... – проказливо улыбалась очаровательная хулиганка.

– Я?! – округлил глаза Дэн.

– Ты, радость моя! Пару песен – и мы уходим! Классно же я всё организовала? Или ты хочешь продолжить банкет?! Можем всё переиграть...

– Нет! – чуть на крик закричал он. – Я согласен! Играю пару песен, и мы валим...

Дэн отобрал у парня гитару, погладив её по блестящему корпусу, познакомился с "леди", подстроил. И заиграл. Он играл о том, как ему недостаёт жены и сына, как он по ним соскучился, играл о том, что он чувствует сейчас. Трепет и

светлая радость лились со струн самой обычной гитары. Парень, хозяин гитары, слушал, раскрыв рот, не веря своим ушам, что его инструмент способен так звучать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.